

A close-up, artistic portrait of a golden retriever puppy. The puppy's face is the central focus, with its large, dark, expressive eyes looking directly at the viewer. Its fur is a soft, light golden color, with visible texture and highlights. The puppy's ears are floppy and frame its face. The background is a soft, out-of-focus grey-blue. The title text is overlaid on the upper part of the image.

МОЙ ЛОМТИК СЧАСТЬЯ

Повесть детства

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Владимир Леонов

**Мой ломтик счастья.
Повесть детства**

«Издательские решения»

Леонов В.

Мой ломтик счастья. Повесть детства / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834846-4

Десятилетний мальчик из далекой деревушки, расположенной у самого леса, получает в подарок от родителей небольшого веселого пса, который умеет улыбаться и понимать, совершенно как взрослый человек. И жизнь Володи стала меняться, нелепая и некрасивая собака, названная им Дымком, становится настоящим другом мальчика. Благодаря этой смешной, веселой дворняге Володя перестает грустить, чувствовать себя одиноким, совершает удивительные приключения, находит друзей и знакомится с красивой девочкой.

ISBN 978-5-44-834846-4

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Встреча	9
Глава 2. Мои истории	12
Глава 3. Мама	17
Глава 4. Мои рассказы о папе	20
Глава 5. Я – парикмахер	24
Глава 6. Первая и главная потеря	28
Глава 7. Победа Дымка	29
Глава 8. Поход в магазин	32
Глава 9. Дымок и котенок	36
Глава 10. Сказка моей бабушки	38
Глава 11. Приключения на заводе	40
Глава 12. Зеркало	42
Глава 13. Дымок и дрова	44
Глава 14. Сюрприз	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мой ломтик счастья Повесть детства

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2017

ISBN 978-5-4483-4846-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Посвящается моим «божественным капелькам» —
дочуркам Яне и Арине**

От автора

Еще в детстве, мальчиком проживая в крохотном селении у опушки леса, я представлял свою родину *Россию* как сказочную страну. В каждом доме затерянного поселочка держали собак и топили печки, а вокруг собирались обитатели дома, чтобы поговорить *за жизнь*.

Дедушки вспоминали войны, которая вела Россия, чтобы быть свободной и справедливой. В их рассказах – чувство гордости за самих себя, за весь русский народ, за его мужество и доброту. А бабушки тихо и нежно говорили нам, внукам, какая она большая – эта страна с названием Россия, что она самая главная в мире. И все это завоевали для нас наши предки, самые смелые и самые красивые. А затем рассказывали дивные истории и сказки, в которых русские всегда побеждали своих врагов, а русских никто и никогда не смог одолеть.

В доме потрескивали поленья в печи и незримо присутствовала мудрость – на душе было нежно, и все время это безбрежное чувство родины.

Вот так, мальчишкой, я представлял себе *Россию* — край, находящийся в центре Земли, где даже войны и бедствия не могли убить доброту и мудрость...

Мое детство. Моя маленькая родина. Где мне по силам было быть волшебником, верить в чудеса и самому строить собственный мир чудес. Мудрый и добрый.

И у меня была своя мудрость, один необычный друг, который просто восхищал меня своей жадной жить, быть радостным и счастливым. Кусочек солнца светился в этом друге всем своим жаром и жадной жизни.

Корниенко Лена, Гимн.1

Мой друг из далекого детства, и он же учитель – собака Дымок...

«...а этот пес пах счастьем и улыбался. Да еще как! Он будто бы весь светился, так радовала его встреча с невысоким мальчуганом, замершим от удивления на крыльце...».

Это легкая и нежная история детских ощущений, волшебных впечатлений и обычной жизни.

Вы войдете в светлый мир десятилетнего мальчика и проживете вместе с ним одно лето, самое неповторимое лето с запахом зеленых яблок, цветов и скошенной травы, лето чудесных ароматов, вкусов и звуков, лето, наполненное солнцем и загадочными событиями; лето, когда каждый день совершаются удивительные открытия, главное из которых – непрерывное ощущение счастья.

Леонова Арина, 9 лет

Желание написать книгу о своем удивительном детстве, сказочной стране, в которой у меня был такой друг – невероятный непоседа, озорник и просто радостный пес Дымок, зрело давно. Нужен был толчок, импульс... Им оказался вопрос моей дочурки: «Папа, что было самое интересное в твоём детстве?»

Книга о дружбе, радости и любви. Любви к детям, взрослым и живой природе. Книга – гимн молодости. Гимн юности.

Книга о счастье – а счастья в жизни столько, сколько замечаешь. О том счастье, которое любит, чтобы им дорожили, и не любить, чтобы к нему привыкали.

Зажгите в своей душе, как в алтаре, свечу счастья, потому что счастье – это самый красивый и дорогой бриллиант в мире.

И еще потому, что *«Жизнь сама по себе является самой прекрасной сказкой»*. – Г. Х. Андерсен.

«Поклон отчему дому»

«Кто из нас в детстве не мечтал о собаке... Не об игрушечной, а живой, настоящей. Пусть не о породистой с родословной, а о простой дворняге. Такой, чтобы лапу давала, в нос лизала и обязательно защищала от врагов.

Владимиру Леонову, создателю повести «Мой ломтик счастья», повезло дважды. Во – первых, у него была такая собака. Во – вторых, через многие годы он сумел пронести в сердце радость детских воспоминаний о своем лохматом друге, озарившем счастьем его нелегкую жизнь.

О чем бы ни писал автор, он всегда расскажет о себе... Лесной поселок в царстве сосен и дубов. Простой работающий народ спешит на проходную мебельного заводика. Пахнет летом и свежей смолистой стружкой... Таким ясным и теплым утром автор увлекает нас в путешествие по лабиринтам своей памяти и сразу приглашает в родной дом, где все блестит чистотой и вкусно пахнет хлебом. Это мамина заслуга. Кажется, она и теперь незримо опекает своего сына и благословляет на творческие поиски.

С первых строк заявляет о себе главная тема повести – любовь. Это она является источником трепетного и высокого общения детей и взрослых. Это она сделала родными небогатых жителей поселка, она дала жизнь главному герою и даже бездомному псу помогла стать полноправным членом семейства».

«Непрерывное ощущение счастья»

«Это книга, в которую я влюбился с первого взгляда: яркая, красивая и притягивает, как магнит. Ее хочется листать, рассматривать, трогать. Она тихо и ненавязчиво втягивает тебя в поток того, что действительно любишь. Такая книга не обманет.

Полное равновесие двух начал: чувства художественности и глубокой лиричности

Книга очень личная и невероятно эмоциональная, наполнена солнцем, жизнью в ее лучших тонах. Именно ради такой жизни и хочется жить!»

«Прививает вкус к языку и Родине»

«Книга Владимира Леонова «Мой ломтик счастья» является прекрасным образцом столь немногочисленной сегодня и столь необходимой качественной детской литературы. Она прививает детям вкус к родному языку и любовь к Родине. Она тяготеет к ряду лучших образцов детской литературы последних десятилетий: рассказам Н. Носова, повестям В. Крапивина.

Моё мнение таково: книга Владимира Леонова «Мой ломтик счастья» имеет право занять своё достойное место и в домашних, и в детских, возможно, даже школьных библиотеках. Во всяком случае, юный читатель, взяв в руки эту книгу, о своём выборе не пожалеет».

«Удовольствие и восторг»

«Замечательно! Богатый, яркий язык, отлично прописанный художественный мир; текст читается с удовольствием, восторгом. Книга, безусловно, придется по душе и детям, и взрослым».

Отзывы читателей

Полина Игнатьева, 15 лет

Глава 1. Встреча

Прозвали меня в нашей деревушке «Вовка – морковка», а некоторые ребята, чтобы сильнее подразнить меня, громко добавляли еще: «...и красный арбуз». Вот и получалась обидная для меня кличка: «Вовка – морковка, красный арбуз». Не мальчуган, а фрукт какой – то. Хотя и было мне по возрасту девять лет, и в школе отличался хорошей учебой, и учительница всегда ставила меня в пример, но с друзьями у меня как – то не ладилось. Чуть – что, сразу «Вовка —морковка...».

Вот и грустил я, друзей не имел и все свободное время проводил в своем дворике. То дрова рубил, то молоко в масло сбивал... Словом, или я находил работу, или она меня. Просил папу хотя бы собаку мне подарить, как – то веселей было бы, но отец только хитро посматривал искоса и отмалчивался.

Был у папы с мамой свой домик с печкой, огород рядом, а во дворе, огороженном забором со старыми в трещинах досками, какая только живность не водилась.

Здесь и два розовощеких поросенка, и с толстыми боками корова Маша, и нежная телочка Соня, и важные гуси, не спеша ковыляющие на своих коротких ножках, да еще неприступные драчливые индюки, которых я боялся, как черт креста.

Ну и, конечно, куры. Каких только цветов: и серые с темными пятнышками, и черные с белесыми нитками, и коричнево – желтые, и белые, и даже ярко – красные. От этой пестроты у меня в глазах порой зайчики бегали.

А как только я выходил во двор с ведерком зерна, то казалось, целый оркестр во двор заглянул. Галдеж куры поднимали такой, что собаки в соседних дворах пугливо поджимали хвосты и исчезали, на всякий случай (береженого бог бережет), в своих перекошенных будках. Бежали куры стремительно, будто в гоночных бегах участвовали, тесня друг друга, наступая на ноги, сбивая кого – то на землю, подминая. Пыль клубилась, как дым из хорошей печки.

Я заблаговременно опрокидывал этой голодной ораве ведро с пшеном и пулей взлетал на самую высокую ступень крыльца – я хорошо запомнил, как однажды попутно вместе с зерном куры начали клевать пальцы моих босых ног. Словно крупный град пробарабанил по ногам, остались от такого бесцеремонного поведения кур шрамы на пальцах.

Вот и на этот раз, в солнечный летний день я стоял на крыльце и наблюдал, как полчища ненасытных кур выбирали своими крепкими клювами последние зерна из земли.

Как вдруг раздался звон щеколды, открылась с дребезжанием и скрипом несмазанных петель калитка, и во двор вбежала собака. Невысокого роста такая, с короткой серой шерстью, местами облезлой, с кривыми короткими лапами. Словом, так себе. Среди других собак я бы не выделил ее – красотой не блистала, это уж точно.

Но какой был веселый этот пес! Светились радостью черные глаза, смешно свисал набок длинный розовый язык, а куцый, совсем голый хвост крутился, правда – правда, как юла.

Остановился пес так, что лапы уперлись в землю. Замер, словно уперся в стену, а потом неожиданно улыбнулся во всю собачью пасть. Улыбка словно говорила, как хорошо собаке, как нравится ей мой двор. Ее задорное, смеющееся лицо было направлено ко мне, оно говорило, как рада встрече.

Я видел деревенских собак только издалека, они мне казались всегда ворчливыми и грозными, а этот пес улыбался. Да еще как! Он будто бы весь светился, так радовала его встреча с невысоким мальчуганом, замершим от удивления на крыльце. А когда он во всю ширину растянул свою пасть, показав все свои крепкие зубы, да вслед так быстро завилял хвостом, да так беспрерывно, что перепуганные таким чудовищем, как им показался

пес, куры врассыпную, с сердитым кудахтаньем, смешавшись с обалдевшими гусями, вмиг исчезли с моих глаз.

– Вот тебе и подарок, сынок: теперь этот пес твой, как ты и просил, – голос отца, показавшегося в калитке, словно приободрил пса.

Не успел я и сообразить, а пес, повиливая хвостом и улыбаясь, уже взлетел на ступеньки, с радостью подбежал ко мне, поднялся на задние лапы и начал лизать мое лицо своим шершавым теплым языком. Его веселые глаза смотрели на меня, словно он подтверждал, что я его хозяин, что он хочет от души этому порадоваться. Его передние лапы острыми когтями царапали мне грудь, а задние топтались на моих босых ногах.

Но я не чувствовал боли, радость переполняла меня – это мой пес! Он такой живой и по – детски смешной и озорной. А пес с благодарностью, что я искренно рад ему, слизывал с моих щек капельки соленого пота, а, может быть, это были слезинки радости.

– Ты моя собака! – закричал я от восторга. – Ты мой настоящий друг!

Наверное, в жизни я еще не произносил слова с такой значительностью, что даже отец поднял руку в знак восхищения.

– Ну как, дружище, назвать тебя? – произнес я вслух. Пес словно понял меня, поднял уши торчком и внимательно посмотрел мне в глаза, словно говоря:

– Это ты вовремя говоришь, мой мальчик! Мне, как и любому существу на свете, хочется, чтобы ко мне обращались по имени.

В голове у меня все так перепуталось, что я уже и не мог долго думать, поэтому сказал имя, которое первое пришло на ум. Видимо, серо – голубой оттенок шерсти вытолкнул из меня это слово.

Но я не просто назвал имя, я дал псу понять, что хозяина надо понимать и слушаться, а то будет разброд между нами:

– Ко мне, Дымок. Рядом. К ноге.

И пес послушно опустился передними лапами на ступеньки. Так и застыл – подогнутые задние лапы и выпрямленные передние. Словно мои команды были для него обычным делом.

Папа поднялся по ступеням, улыбнулся, как я понял, и мне, и моему четвероногому другу, в его глазах светилось удовольствие:

– Ты рад этому псу? – спросил он добродушно меня. – И как ты назвал его?

– Дымок!

– Что ж, легкое и веселое имя, вполне подходит такому жизнерадостному псу. Отнесись к нему как к настоящему другу. Люби его, ухаживай за ним, не обижай. И тогда пес будет предан тебе, будет делить вместе с тобой и радости, и печали.

Дымок понимал наш разговор. Он внимательно переводил свой взгляд то на меня, то на папу. Одобрение читалось в его глазах. Он опять улыбнулся и так широко растянул пасть, что не выдержал и громко чихнул. Словно человек. Я и папа, не удержавшись, вместе сказали ему: «Будь здоров!» и, посмотрев друг на друга, разом рассмеялись. А пес Дымок словно подыгрывал нам, вся его физиономия говорила: «Что, хорошо вам со мной, правда? А будет еще смешнее!»

И пусть видом он не был красавцем, и пусть невысокого роста, да короткие кривые лапы бросались в глаза, но лишь взглянешь на его веселое и добродушное лицо, и сразу кругом все становится светлее и радостнее.

Валентина Ларина, 10 лет

– Папа, папа, – я хотел ответом папы показать собаке свои сильные качества, – а ты скажи Дымку, что я люблю бегать! Всех школьников обгоняю на уроках физкультуры, мне учитель всегда пятерки ставит. Вот мои одноклассники дразнят меня обидной кличкой, а я им отвечаю, что они просто слабаки и лентяи, и обзывают меня потому, что завидуют моей силе. Думаю, что они ведут себя, как жалкие, еще не оперившиеся птенцы.

– Как ты сказал? Неоперившиеся птенцы! Ну ты даешь, Володя, – изумленно произнес папа и невольно рассмеялся. Дымок приподнял морду от неожиданности, улыбнулся папе, говоря: «Мой хозяин знает дело, верно говорит».

– Итак, начнем знакомиться с моим миром, моей деревней, – сказал я Дымку. – Тебе будет полезно это знать.

Я спускался первым, пес шел следом, шаг в шаг – вот такое было у него воспитание.

Глава 2. Мои истории

Стоял жаркий июль. Солнце заливало землю, словно огнем. Деревня казалась вымершей: ни людей, ни собак. Все попрятались от духоты и жары.

Только мы с Дымком, две единственные фигуры в дневном свете, не спеша, шли по улице.

– Дымок! Рядом со мной! – отдавая команды псу, я внутренне переживал, поймет ли он. Но это был умный пес. Чуть прибавив шагу, он поравнялся со мной и топал своими лапами в такт моим шагам. Лицо его выражало гордость: еще бы, он не бездомная шелудивая собака, он не ничейный пес, у него есть хозяин, а, значит, и дом.

По дороге я посматривал на дома, а вдруг кто – то из мальчуганов увидит меня с таким радостным псом, да еще прилежно выполняющим мои команды, и тогда ему станет плохо от зависти. Ох как мне сладко стало от такой мысли – закончилось мое одиночество, и вся моя печаль позади.

Глядя с умилением на пса, я рассказал ему, почему нашу деревню называют Боровое, как долго здесь я живу с родителями. Думая, что ему будет интересно знать поподробнее обо мне, поведал ему о своей кручине: о кличке «Вовка – морковка...», о мальчиках, насмехающихся над моим прозвищем, и о девочке с дальнего двора, с которой мы незаметно для других убегали в лес и играли там.

Еще я рассказал ему, какие хорошие люди живут в деревне, они с утра до вечера работают: пилят деревья, везут на наш маленький завод, делают различную мебель. А по выходным собираются вместе под зеленой листвой дубов на окраине деревушки, поют песни, танцуют, жгут костры. Нам, детворе, так весело проводить время с ними.

– Но ты не бойся, я тебя никогда не оставляю, будешь всегда со мной на этих веселых праздниках, – так я утешал собаку. – Ты же теперь мой настоящий друг!

Говорил я псу о моей детской радости, о том, как я люблю вечерами гонять лошадей вместе с конюхом, дядей Григорием, в «ночное». Это когда я верхом на лошади ехал вперед, к зеленым лугам, а дядя Григорий подгонял коней сзади. А потом мы стреноживали коней, пускали их к травам, а сами разжигали костер, и я до утра слушал занимательные истории доброго старенького конюха.

– И тебя я буду брать с собой в «ночное», – наклонялся я пониже, чтобы пес слышал лучше, – станешь стеречь лошадей, чтобы они не разбегались.

Дымок, размеренно шагая рядом, кивал головой – или от движения или от согласия – но я считал, что он все понимает и ему радостно, что я делюсь с ним своими мыслями.

Потом я объяснил псу, какой замечательный у меня папа, какую радость доставил мне, когда понял мою мальчишескую печаль о настоящем друге и подарил тебя, Дымок.

– Ты, конечно, еще маленькая собака, но это для меня к лучшему, – сказал я Дымку. – За тобой надо ухаживать, надо воспитывать, обучать. Значит, я буду много занят, у меня не останется времени грустить. А это так здорово!

Дымок понимающе взглянул на меня и весело завилял хвостом. Пес покачивался на своих коротких лапах, смешно переставляя их. Местами потертая кожа так блестела на солнце, что у меня рябило в глаза. Короткий, облезлый хвост крутился, как пропеллер. В общем, и некрасивый, и урод уродом, но мне он казался самым лучшим псом, я полюбил его всем детским сердцем.

– Школа моя, Дымок, – желание говорить и говорить, казалось, копилось так долго, что слова сейчас лились сами по себе, – находится далеко от дома, на другом конце поля, еще надо через реку по мостику переходить, а затем в гору подниматься. Веришь, Дымок, целый час я иду до нее, так мне папа сказал. А еще он говорит, что я очень смелый, раз в таком

маленьком возрасте хожу в школу один. Мама сшила мне маленький мешочек из холста, приделала две тесемки, чтобы мне было удобно нести его за спиной – все – таки книги, тетради, ручки, альбомы изрядно тяжелы, как она говорит, для моих детских рук.

Я показал Дымку, как надеваю свой школьный мешочек за спину: сначала одну тесемку на левое плечо закидываю, затем вторую – на правое. Руками перед собой изобразил какой он большой, этот школьный мешочек. Получилось смешно, словно руки мои стали пропеллерами.

Дымок с удивлением смотрел на мои жестикуляции, даже присел на задние лапы, в его глазах мне читалось: «Мой мальчик, ты такой сильный. Я горжусь тобой и буду брать с тебя пример».

Воодушевленный признанием пса о моем мужестве, я заговорил еще громче:

– Понимаешь, Дымок, весной поле полностью заливают водой, оно становится похожим на целый океан. Родители купили мне сапоги резиновые, они даже выше моих колен. И вот в них я бреду по воде. А однажды даже на льдине доехал до берега. Вот здорово было!

Дымок вопросительно вскинул глаза: «Что такое льдина? Может, объяснишь?»

Я рассмеялся над таким наивным вопросом, потрепал собаку за ухо и рассказал, что это такой большой лед, который сам по себе плавает по воде, не тает и не тонет. Моя дворняга понимающее закивала головой. Значит, у меня все складно получается, не зря я учусь на пятерки.

– А зимой, Дымок, – мне нравилось произносить имя собаки, – поле засыпает снегом, местами мне даже по пояс. Представь, на мне валенки, теплая фуфайка, шапка, которая постоянно норовит закрыть мне глаза, а еще варежки – толстые и теплые, мама сама мне связала. Иду медленно, прокладывая себе дорожку, весь в снегу, инее. Словом, снеговик. Это точно.

Дымок сочувственно потерся влажным носом о мои босые ноги, мне стало тепло и щекотно. Я весело улыбнулся: «Ай да пес! Ну просто волшебный какой – то, все понимает и еще чувства проявляет. Ну, как не любить такого друга!»

Видя в собаке заинтересованного слушателя, я продолжал рассказывать истории моей детской жизни.

– Школа у нас большая, целый деревянный дом, в нем посередине печь стоит, зимой так здорово в ней трещат дрова, а тепло от нее во все классные комнаты проходит. Печь топит в школе бабушка Галя, а еще звонит в медный колокольчик, когда надо начинать уроки или идти на перемену.

Здесь я остановился, пытаюсь понять, что нечто важное я должен сказать собаке, но никак не могу сосредоточиться. Дымок, неторопливо шагавший слева от меня, так и присел на хвост от неожиданной остановки. Вся его поза выражала напряжение и недоумение, он шумно задышал, ребра заходили под тонкой кожицей. Было видно, что он переживал за своего двуногого друга.

– Дымок, не волнуйся, – я произнес таким добрым тоном, как говорила мне мама, когда у меня что-то не получалось, – я понял, что мне надо сделать: обязательно взять тебя в школу. Тебе это понравится. Точно, точно! Договорились.

Дымок заулыбался, показывая, как ему хорошо от такого приглашения, куцый хвост взлетел вверх и закрутился. Казалось, еще минуту, и Дымок полетит. От такой мысли я беззаботно рассмеялся.

– Хозяйство у нас большое, – продолжал я, когда мы с Дымком успокоились, – ты видел уже. Я у родителей не лежебока какой – нибудь, не лентяй. Ты сам потом все увидишь и поймешь. Я стараюсь во всем помогать маме и папе. И заметь, не потому, что они мне приказывают, а потому, что мне самому хочется быть для них опорой, помощником. Хотя мама меня утром рано и не будит, но я приучил себя встать сам часов в пять утра.

Дел у меня много: сена надергать со скирды, разложить по кормушкам корове, двум телкам и бычку; вынести несколько ведер еды для свиней, а они такие прожорливые – не успею я опрокинуть ведра в корыто, а они уже на лету все съедают, топчутся, как слоны, хрюкают громко, как лягушки на болоте, отталкивают друг друга, как драчуны – бузотеры, своими пяточками непрерывно двигают, смешно так у них получается. Нет, правда, правда.

А еще куры с насестов выскакивают во двор, шум поднимают невероятный, как у нас в школе на переменках, бегают за мной, клюют прямо в ноги – нахальные такие, все время требуют есть. Я быстренько набираю в ведра корм, высыпаю в одном и том же месте; они привыкли в дисциплине, и как только видят меня с двумя ведрами в руках, стремглав мчатся занимать свое место. Вот видишь, Дымок, какие шрамы у меня на ногах, это все от этих строптивых кур.

С этими словами я поднял штанины брюк, чтобы мой пес удостоверился в правдивости слов. Дымок как – то сочувственно, осторожно, втягивая в себя глубоко воздух, приблизил нос к моим голым ногам, обдал их теплом выдыхаемого пара. На какое – то мгновение застыл, пристально смотря на розовые царапины, а затем с пониманием поднял на меня свою умную морду, словно говорил: «Ты очень мужественный, мой мальчик. Вон сколько у тебя шрамов, а ты не плачешь. Буду брать с тебя пример!»

– Потом я помогаю маме, – голос мой звучал приподнято, как – никак Дымок все понимал и выражал мне свое сочувствие, – относить ведра с молоком, которое она надоила от коровы и телочек, домой, чтобы делать масло, творог, ряженку, простоквашу...

И вот, Дымок, звучит рог пастуха, надо выгонять корову, телочек и быка в общее стадо, которое собирается за нашим домом, а потом пастух, дядя Гриша, на весь день угоняет стадо в лес.

Представь себе, как забавно встречать вечером свою живность. Идут коровы и быки неторопливо, бока у них круглые, отъелись за день в лесу. Пылища стоит кругом, коровы кажутся в ней исполинскими животными. Каждое из них имеет маленький колокольчик на шее – это на тот случай, если отобьется от стада, – и звон от них долетает до самого последнего дома. Все жители выскакивают из домов, а коровы, завидев своих хозяев, убыстряют ход, начинают мычать от радости. И от них так пахнет молоком, такой сладостью веет, что этот запах еще долго стоит над всем поселком, будоража собак и свиней.

Вот такая картина получается: пыль над дорогой, в ней – наши животные, как «исполинские» звери, звонкие звуки колокольчиков, а еще мычанье, как будто сотни труб враз зазвучали. Не деревушка, выходит, а какой-то карнавал...

Дымок остановился, морда выразила явное недоумение: «Мой мальчик, что такое „исполинское животное“? С чем его можно сравнить?» От такого вопроса в глазах собаки я растерялся: «А действительно, что это за слово?» Я где – то слышал его, хотел блеснуть перед псом своими знаниями, а теперь и сам оказался в глупом положении. Ответил я честно: «Это что – то такое большое. Больше сказать не могу, не знаю, вечером спросим у мамы или папы, они объяснят». Такой искренний ответ пришелся по душе псу, он великодушно кивнул головой, – мол, не переживай, разберемся.

– Еще у меня есть маленький топорик, – продолжил я, – мне папа его сделал. Им я рублю дрова после того, как накормлю всю живность нашего двора. Для меня папа специально привозит на лошади, запряженной в телегу – у нас в поселке конюшня, в ней, как говорит папа, целых двадцать пять лошадей – отходы с мебельного заводика, это такие кривые доски, которые не нужны для производства мебели. Я все лето рублю их на короткие дрова, ношу в сарайчик, который папа построил для дров. Знаешь, как я наловчился рубить? Прямо с одного удара разрубаю доску! Мне папа показал, как надо метко наносить удары топором. Потом я тебе обязательно покажу мое мастерство. Хочешь?

А Дымка можно было и не спрашивать – он был на все готов со своим новым другом. Да и мои рассказы явно были ему по душе. Он мерно шагал рядом со мной, покачивал в знак согласия головой. Все его худое тело светилось радостью от общения со мной, своим хозяином, кумиром, лидером!

Полина Скорнякова, 9 лет

– А еще мне нравится, Дымок, – я все больше и больше входил в роль рассказчика, словно собака была моим учеником, а я – учителем, – сенокосная пора. Ох, до чего же приятно говорить об этом. Выезжаем на косьбу сена поутру, только – только солнышко пошлет первый луч, а мы уже в телеге, с косами, граблями, вилами. Мама наложила в кошелки припасы на весь день: молоко топленое в крынках, в кастрюлях – мясо жареное и вареное, не куски, а целые кусища, картошка отварная, густо посыпанная укропом, залитая сливочным маслом, круглые, с хрустящей корочкой по краям домашние булки, яйца круто сваренные, крупно порезанные куски копченого и соленого сала, а еще пирожки с квашеной капустой, с картошкой, с творогом... Все, Дымок, дальше перечислять не могу, дыхание перехватывает, так кушать хочется.

Не лучше чувствовал себя и пес. Даже жалко стало его: пасть открыта, шумно вздыхает, бока дышат быстро – быстро, язык то и дело облизывает влажные губы; было понятно, что мысль о кошелках с едой ну просто сводила его с ума.

– Дымок, дружище, – увещевал я пса, – потерпи немного, скоро заводик, а у мамы всегда в шкафчике что – нибудь вкусненькое припрятано. Так вот, папа сидит впереди на телеге, правит лошадьми, а мы с мамой сзади, обнявшись. Ноги свешены с подводы, мы весело болтаем ими, мама дорогой рассказывает мне веселые сказки. Ну здорово просто. А потом возьмет и запоет, а голос у нее звонкий и мягкий, мое сердце от маминих песен наполняется теплом и радостью. Любила она петь про природу, наши леса и реки, про красивую любовь и смелых мужчин. Про таких, как мой папа, например.

Наше поле под сенокос находится на берегу реки. Подъезжаем, я сразу с подводы в реку – бултых, следом папа, с шумом и радостным криком. А мама так ласково смотрит на нас, подставив ладошку в глазам, чтобы солнце не слепило, и кричит: «Эй, мужчины, не задерживайтесь, работы много, надо до вечера успеть все скосить».

Потом, после речки, папа брусом подправляет лезвие косы, проводит по нему осторожно пальцами, удовлетворенно заключает: «Хороша коса, аж пальцы режет! А теперь, семья, за работу». Взяв косу в руки, размеренными и выверенными движениями, прижимая косу к самой земле, начинает скашивать сочную золотистую траву.

Затем трава сохла и превращалась в сено. Мама граблями подгребала за ним упавшие под острой косой стебли. Я переносил небольшие кучки сена в отведенное папой место, накладывал друг на друга, и так постепенно вырастал стог, прямо как большая гора. Затем папа поднимал меня наверх, мама вилами подавала сено, а я топтался, уминал его, иногда

плюхаясь животом на этот мягкий, пахнущий солнцем, летом, водой и свежестью травяной ковер. Знаешь, Дымок, у меня так приятно замирало сердце, когда я проваливался в сено, оно уходила вниз подо мной, и, казалось, я лечу. Понимаешь? Лечу!

Собака поддалась моим восторженным словам, подпрыгнула в воздух, вытянув вперед озорную морду, непрерывно вращая хвостом и перебирая лапами. Несколько раз пролаяла, давая мне понять, что и она в полете, и испытывает такое ощущение, как и я на стоге сена. Когда пес приземлился на свои короткие лапы, я восхищенно произнес: «Ну ты просто циркач!»

Видно было, что мои слова пришлись по нраву Дымку, он с благодарностью провел своим розовым языком по моим ногам: «Это еще не все, мой мальчик. Я такое могу..., для друга хоть на каменную стену поднимусь». Но, увидев в моих глазах сомнения по этому поводу, Дымок как – то быстро потупил глаза, пригнул морду к земле. «Наверное, ему стало стыдно за такое бахвальство – подумал я и слегка потрепал собаку за шерсть – мол, все в порядке, ты настоящий пес, ты все можешь».

Глава 3. Мама

Вот так, беседуя с псом по душам, мы незаметно приблизились к заводу, на котором наши папы таскали деревья к большой электрической пиле, забирали после распила доски, складывали их в штабеля. А наши мамы сидели в конторе, писали бумаги, подсчитывали и контролировали, как их мужья выполняют план. Вот такое распределение труда видел я. И полагал, что это правильно и хорошо. Мужчины должны делать тяжелую работу, чтобы их жены были счастливы.

Заводик по всему периметру был огорожен штакетником. Мы остановились около ворот. Я предупредил Дымка, чтобы он вел себя тихо, не лаял и не бегал. Словом, был скромным. Потому что здесь взрослые занимаются серьезным делом, отвлекать их нельзя. И еще потому, что на деревне у меня был свой авторитет: все считали меня работящим и исключительно покладистым, дисциплинированным мальчиком.

Я попросил Дымка взять с меня пример, во всем слушаться меня, как я слушаюсь взрослых. Я говорил ему, что на заводе постоянно промышляют кошки, поэтому вести надо себя воспитанно, не ввязываться с ними в драку; а еще надо держаться подальше от собаки Ники, большой, с густой шерстью кавказской овчарки, которая охраняет территорию завода. Пока я раздавал практические советы Дымку, он все время смотрел мне в глаза, даже хвостом перестал вилять и, прошу вас верить мне на слово, он понял все от начала до конца. И в этом я могу поклясться!

– Не двигаться, – отрывисто скомандовал я, берясь за ручку ворот, ведущих внутрь завода. – Сидеть, пока я не вернусь или не позову тебя.

Это надо было видеть: пес тут же сел на задние лапы и застыл в повиновении.

На заводике я хотел увидеть маму и рассказать ей о нежданно – негаданном подарке папы – хотя я и подозревал, что без согласия мамы папа бы не решился на такой поступок – и как я безмерно рад псу, которого назвал ласково Дымок.

Мама работала в конторе за столом, писала какие – то бумаги. Сидела ко мне спиной и не слышала, как я вошел.

– Мама! – радостно воскликнул я.

Она вмиг обернулась, красивая нежная улыбка осветила ее лицо. Она раскинула руки, я подбежал и обнял ее.

– Как я соскучилась по тебе, сын! – целуя мои щеки, произнесла она мягким грудным голосом. – Как раз думала о тебе!

– И я тоже рад видеть тебя, мама! – произнес дрожащим от волнения голосом я. – Вот хочу поделиться с тобой радостью.

– Что за радость? А ну – ка говори быстрее! – поторопила меня мама.

– Папа подарил мне собаку! – воскликнул я радостно – возбужденно. – Она такая умная и красивая, ну прямо вылитая ты!

Мама встала со стула. Сейчас она напоминала мне молодую яблоньку – такая же высокая и стройная.

– И ты действительно счастлив? – спросила с улыбкой она. – И если это так, то мы с папой очень – очень рады за тебя. Береги собаку! И как ты назвал ее?

– А ты не будешь смеяться надо мной? Скажешь, сын, ты уже большой, а имя даешь какое – то детское. Неужели нельзя выбрать посолиднее?

– Нет, нет, Вова, это твоя собака и ты волен сам выбирать ей имя, – успокоила мама. – Ну же, говори!

– Я назвал собаку Дымок!

– А ты знаешь, очень красиво звучит! Такое ласковое, оно словно греет, от такого имени исходит тепло.

– Мамуля, ты у меня самая лучшая в мире! – восторженно выпалил я. Крепко обнял маму и поцеловал ее руки.

– Сынок, я знаю, как тебе нужна эта собака, но и ты нужен Дымку. Помни об этом. И где же твой пес?

– А вот смотри, как он слушает мою команду! – Я подошел к двери конторы, вышел на крыльцо и позвал: – Дымок! Ко мне!

Сидевший неподвижно и наблюдавший в открытые ворота внутреннюю жизнь заводика, пес взметнул уши торчком, кивнул головой снизу вверх в знак понимания, нетерпеливо чихнул и побежал, смешно перебирая лапами, к конторе.

Подбежал ко мне, ткнулся в ноги, словно говоря: «Мальчик, я с тобой»; вслед за мной вошел в здание и, уловив движение моей головы в сторону мамы, положил морду и лапы ей на колени, доверчиво и весело глядя в глаза.

Мама не ожидала такой прыти от Дымка, рассмеялась этой забавной проказе пса и ласково потрепала его щеки.

– Ну что ж, вот и познакомились! – сказала она. – Знаю, что называли тебя Дымком, мне нравится такое имя. Надеюсь, будем с тобой дружить!

Пес смотрел на маму. Растянул в радостной улыбке пасть, замахал приветливо коротким куцым хвостом. Пес понимал, что он произвел нужное впечатление. И мама поняла, что он умный пес.

– И вправду, ты пес – умница! – с удивлением проговорила мама. – Теперь твоя бездомная жизнь закончилась. Жизнь бродячая, лишенная спокойствия и сытости. В этом можешь не сомневаться. У тебя есть дом, есть хороший добрый хозяин, вот этот мальчуган, мой сын!

Дымок завилял хвостом – все – все он понимал.

– Добро пожаловать, Дымок, в наш дом! – закончила мама. – Живи сам радостно и приноси радость нам!

Мы вышли из конторы, а пока подходили к воротам, я рассказывал Дымку о маме.

– Она такая чистюля. Увидит пылинку, здесь же за тряпку, до блеска начищает. В доме всегда уют и свежесть. Рано встает мама, чтобы навести порядок, приготовить нам завтрак. Не отпустит меня в школу, пока не убедится, что рубашка проглажена, свитер и брюки без пятен и не помяты. А прежде чем лечь спать, она обязательно промоет все комнаты, подметет пол, аккуратно расставит сковородки, кастрюли.

Сама одета всегда как с иголочки, вся ее одежда подобрана со вкусом, подогнана под стройную фигуру. Везде у нее порядок, каждая вещь на своем месте. Иногда мне кажется, что мы с папой живем в каком – то сказочном домике, настолько приятно и легко в нем дышится, словом, мама моя – ну просто золотце. – Я растянул неторопливо последние слова, словно наслаждаясь высказанным.

Я уже видел маму в красивом цветном летнем платье, легко и весело возвращающуюся с работы. Дымок, видимо, почувствовал мое возбуждение, его хвост оказался на моих ногах. Он словно подпитывался моим радостным состоянием и успокаивал меня: «Мальчик, я с тобой, вот тебе мой хвост в знак дружбы».

– Мы никогда не ссоримся с мамой, – чуть с хрипотцой продолжил я, – характер у нее мягкий, покладистый. Она не умеет кричать, как делают другие женщины. У нее нет истерик, с ее уст никогда не сорвется неуютно бранное слово. Увидит, что я нервничаю или не в духе, улыбнется так широко и произнесет спокойно: «Сынок, мир выжил, потому что улыбался и не огорчался». Ну как после этого не поцеловать мою маму и не сказать в который раз, что я ее люблю.

Кажется, голос мой зазвенел, как колокольчик, который на шее нашей коровы Маши, такой маленький, мелодичный. Дымок поднял морду и разинул пасть, улыбаясь и выражая тем самым свое согласие со мной. Я потрепал пса за шею, Дымок ну просто залился удовольствием от такой неслыханной ласки: зажмурил глаза, повел круглым носом, несколько раз ударил по моим ногам хвостом, как бы говорил: «Вот малыш, почаще так, уж как такие ласки мне приятны!»

— А как мама готовит! Так готовить жаркое, что гости тарелки досуха вычищают. Еще она научилась консервировать любые овощи, откроешь банку, например, с огурцами, такой аромат, как будто только с грядки сорваны. Такие вкусные.

Дымок выжидающе посмотрел на меня, словно спрашивал: «А мне дашь попробовать?» Угадав его желания, я легко потрепал Дымка под шеей, кивая головой в знак того, чтобы он не беспокоился — до пуза будет кушать. Хотя потом подумал: «А вообще — то собаки едят огурцы и помидоры?»

— И потом, мама очень любит меня. Она так мечтала о ребенке. И когда ее спрашивали, мальчика или девочку хочется ей, она отвечала, что счастье не зависит от пола, а только от сердца, которое у тебя внутри. Когда родился я, то думал, что попал в рай, мама окружила меня такой заботой и любовью, что мое маленькое сердце питалось этой материнской силой.

И рос я умненьким, смышленным мальчиком, веселым и радостным. Это мне передавалось от мамы, а я потом передам своим детям — так и будет храниться традиция нашей семьи: счастье, радость и любовь. А теперь еще и прибавление в нашем семействе, — я погладил Дымка по голове, — стало больше на одну радость и одну любовь. Не правда ли, милый пес? Этот милый пес неожиданно поднялся, положил передние лапы на мою грудь и начал так быстро — быстро водить своим розовым языком по его лицу. И как после этого не утверждать, что пес — то действительно ну просто умница!

Алина Самоцветова, 10 лет

Глава 4. Мои рассказы о папе

Выйдя с заводика, я резко остановился. Как будто наткнулся на невидимую стену. Шедший вразвалочку за мной Дымок от неожиданности ткнулся носом в пыльную дорогу и недовольно заурчал: «Мой мальчик, ты будь вежливее, предупреждай своего друга, а то мой нос весь забит пылью». И в подтверждение неудобства своего Дымок широко открыл пасть и несколько раз чихнул с такой силой, что пыль веером поднялась над дорогой, окутав меня с ног до головы, а мимо пробежавшая кошка взлетела в воздух, несколько раз перевернулась, смешно болтая короткими лапами, и с жалобным мяуканьем опустилась на дерево около обочины.

– Извини, Дымок, – растерянно произнес я, – я вдруг вспомнил, что не рассказал тебе о моем папе. А ведь он преподнес мне настоящий сюрприз, подарив тебя.

Дымок словно проникся уважением к моим чувствам, от обиды не осталось и следа, глаза блестели восторгом: «Вот сейчас я услышу историю о папе, а я просто обожаю твои рассказы, мой мальчик. Давай. Не своди меня с ума, начинай!»

Тянуть я не стал, мне и самому хотелось как можно быстрее поведать Дымку о том, кто такой мой папа, как он любит меня и маму.

– Так вот, Дымок, – начал я неторопливо, чтобы придать значение каждому своему слову, – мой папа работает лесничим. И не просто лесничим, а самым главным лесничим. Я потом покажу тебе его контору, где у папы отдельный, правда такой маленький, но все же кабинет. Там работают еще и другие жители нашего поселочка. У них серьезная задача: сажать много новых деревьев, спасать лес от пожаров, вредителей и плохих людей.

У папы красивая форменная одежда: куртка, брюки, синяя рубашка и черный гастук, а еще фуражка с настоящей кокардой. Она здорово блестит на солнце. Папа у меня спокойный и мудрый, он знает ответы на все вопросы. Не веришь? – укоризненно посмотрел я на собаку, – я никогда не вру, так научил меня папа. Правда, правда! Я беру с него пример. И хочу, чтобы и ты был всегда честен со мной. Будешь?

Дымок словно понял вопрос, этак важно присел на задние лапы, сделал очень – очень умной свою морду и пристально посмотрел мне в глаза: «Мой мальчик, можешь не сомневаться. Честность и Дымок – самые настоящие друзья!» Я ласково потрепал собаку за ухом, Дымок тихо заурчал, настолько были ему приятны мои прикосновения.

– Так вот, слушай дальше, – продолжил я после некоторой паузы, – у папы есть мотоцикл «Урал». Большой – пребольшой, с коляской. Ему по должности положено. Папа часто в лес на нем выезжает, как он говорит мне: «Поеду с лесным поздороваюсь, а то старичок еще начнет обижаться». Но я – то уже не маленький, понимаю, что никаких лесных нет, просто папа очень ответственный человек, за порученное дело болеет всей душой.

Мотоцикл, Дымок, такой шумный и дымный. Когда папа едет по поселку, кажется, это танк движется. Но зато мотоцикл такой сильный, по любой грязи проедет, любую яму осилит. Честно – честно, Дымок. Я сам это видел.

Дымок понимающе кивал головой, мол – верю, верю, ты же очень честный, мой мальчик. Затем приподнял голову и с тревогой посмотрел на меня: «А не страшно тебе?» Я весело покачал головой, давая понять, что не страшно.

– Иногда вечерами, после работы, папа сажает меня в люльку мотоцикла, и мы по лесной узкой дорожке уезжаем к реке Воронеж. Она такая широкая, вот смотри, какая – при этих словах я остановился, развел руками в разные стороны, да еще приподнялся на пальцах ног, отчего пыль подо мной поднялась плотной стеной. Как мне казалось, выглядел я в тот момент ну просто здорово! Дымок неожиданно заскулил – я думал, что от восторга за мою импровизацию, но спустя минуту сообразил, что собака просто потеряла меня в песчаной

завесе, потому что в ее голосе зазвучали жалобные ноты. Я чихнул, потом еще, пыль развеялась, и радостный пес бросился мне на грудь, облизывая шершавым языком мое лицо и словно говорил: «Ты так больше не шути, мой мальчик; если нет тебя, значит и меня нет!» Такая собачья преданность едва ли не вызвала у меня слезы.

– Все хорошо, Дымок, – успокаивал собаку я. – Я здесь, рядом с тобой, мы всегда будем вместе! Мы вместе с папой купались в реке. Вода в ней была темная и немного пугала меня, а вдруг какое – нибудь чудовище выскочит из нее. Но знаешь, Дымок, в этот момент, словно чувствуя мою нерешительность, подплывал папа, подставлял мне под грудь свои сильные руки. И я смело плыл вперед, уверенно перебирая в воде ногами, а папа учил меня правильно грести руками, как он говорил, «по – матросски».

Дымок наострил уши, они поднялись вверх, как маленькие, но очень упругие стебельки орешника, который растет в нашем лесу, а в глазах появилось недоумение. Я понял, что слово «матрос» явно было ему непонятным.

– Знаешь, Дымок. – здесь я заговорил, как наша учительница Марья Федоровна, медленно и с расстановкой, чтобы было легче понять и запомнить, – мой папа служил на флоте, плавал на большом корабле по разным морям, поэтому отсюда и происходит слово «матрос».

– А ты представь, Дымок, сколько папа мне деревянных игрушек сделал. У него просто золотые руки. Он выточил мне фигурки всех животных, которые обитают в нашем лесу: медведя, волка, лисы, бобра, оленя и еще... он вырезал из дубовых веток мне шахматы и научил в них играть. Я потом тебе покажу игрушки и шахматы, и мы будем вместе играть с ними. И если хочешь, даже обучу тебя игре в шахматы.

Я взглянула на Дымка, в глазах собаки застыл невинный вопрос: «Ты правда покажешь мне игрушки?» Увидев в моих глазах искренность, Дымок успокоился: «Как это здорово, мой мальчик. Я так люблю разные там поделки».

– А еще, мой друг, – с воодушевлением продолжал я, видя в Дымке заинтересованного слушателя, – рядом с папиной конторой есть пруд. Правда, он небольшой, даже я могу переплыть его. В нем неторопливо плавают красивые утки, а шумные гуси устраивают настоящие фонтаны, разбрызгивая своими большими крыльями воду вокруг себя. А еще при этом они начинают все кричать: «Га – га – га», да так громко, что курицы от страха несутся прочь от водоема, не разбирая дороги, а местные собаки юркают в свои будки и долго не высовывают носы. Это так классно! Вот увидишь сам, и восторга собачьего не будет конца. Понял?

Дымок почесал лохматой головой мою ногу, давая понять, что собака он умная и все понимает, не стоит в этом сомневаться.

Ларина Полина, 10 лет

– Так вот, зимой мы играем на пруду в хоккей, у меня есть коньки, клюшка и целые две шайбы – это папа мне подарил. На Новый год, представь себе, папа дает указание электрику, а электрик – такой важный и почему – то всегда загадочно молчит, – тот натягивает

над прудом электрический провод с лампочками. И представляешь, мы ватагой мальчишек носимся под светом по чистому льду на коньках, с клюшками и шайбой, игра у нас идет настоящая, на спор, на победу. А тут еще все девчонки поселка стоят за хоккейными воротами, кричат: «Шайбу! Шайбу!» Так и хочется быть самым смелым и самым непобедимым. Потом они начинают весело танцевать на льду, петь песни, чтобы согреться. Вот праздник, так праздник!

Невольно, поддавшись азарту, я начал припрыгивать на дороге, размахивать руками, что – то громкое и веселое напевать под нос. Дымок подозрительно скосил на меня настороженные глаза: «Мой мальчик, ты часом не заболел, уж как – то ты неожиданно развеселился! Может нам не мешкая в медпункт заглянуть?»

Я засмеялся, нагнулся, притянул морду собаки к себе и потрепал бережно по спине, давая понять, что все в порядке со мной и не стоит переживать. Дымок широко открыл пасть, выказав полный ряд крупных зубов, и начал подпевать мне, издавая неторопливые и легкие звуки. Вот картина так картина была! Жаль, что в это время никого из жителей на дороге не было, а то бы все враз начали мне завидовать.

– Мы, Дымок, все мальчишки и девчонки поселка, веселимся на льду, играем в хоккей, танцуем, а потом девчонки бегают по льду за нами, пытаются догнать. Ну, конечно, падают, весело смеются. А мы, мальчишки, от них не отстаем – так же опрокидываемся на спину, катаемся в своих фуфайках по зеркальной глади, девчонки настигают нас, и мы уже вместе скользим по льду, снежинки падают на нас, мы пытаемся ртом поймать их, от веселья и смеха, конечно, ничего не получается. Вот такая азартная карусель у нас под новогоднюю ночь.

А родители наши в папиной конторке, в так называемом «Красном уголке», где стоял единственный на весь поселок телевизор, накрывают столы. Каких только кушаний там нет, все – таки мамы наши мастерицы еще те. Все мамы нарядные, каждая старалась подобрать к празднику новое платье. У пап отглаженные пиджаки и брюки, и обязательно на каждом – белая рубашка. Одним словом, Дымок, очень нарядные и самые красивые наши родители в новогодний вечер.

А когда пробивали новогодние куранты, все наши мамы и папы, словно добрые джины, выбегали к нам на лед и одаривали подарками: конфетами, игрушками, домашней колбасой с чесночком, копченым салом, горячей картошкой, обжаренной на домашнем масле с луком и свиными ребрышками. Мамы непременно выносили в термосах горячий чай, заваренный на листьях малины, липовом цвете.

Столько радости было на льду, все взрослые вместе с нами становились в круг, и мы, взявшись за руки, танцевали, пели, кувыркались на льду. Честно, Дымок, лучше дней в своей детской жизни я еще не видел! Потом родители уходили в контору, к праздничным столам, а мы продолжали до самого утра веселиться на льду, есть горячую картошку с колбасой и согревать себя горячим чаем.

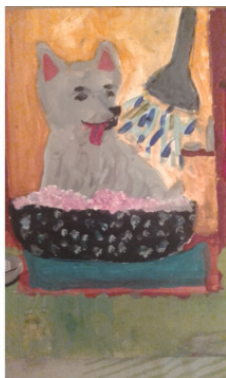
Дымок остановился, я услышал, как у него забулькало в животе, а по краям пасти выступили слюны, которые он пытался сглотнуть сильными движениями рта. А на мордашке проявилась такая кручина, печаль, что я встревожился, а не заболел ли пес. Посмотрел ему в глаза, они говорили: «Ты просто уморил меня, мой мальчик, рассказами про еду в новогоднюю ночь. Они просто свели меня с ума – так хочется вкусно покушать, по – настоящему, по – собачьи, вдоволь и много!»

– Конечно, конечно! – торопливо заговорил я. – В ближайшие дни я попрошу маму приготовить для тебя, и для меня тоже, между прочим, что –нибудь вкусное – привкусное. Я так люблю мамины оладушки и чай с малиной. Идет?

Дымок восторженно кивнул своей мордой: «Вот это по – нашему, когда стараешься все сделать для друга. Все – таки хорошо, что у тебя есть я. Вот и еще один повод для тебя отлично покушать!»

Глава 5. Я – парикмахер

После посещения заводика и знакомства Дымка с мамой мы вернулись в наш уютный дом. Я решил навести псу чистоту и блеск, как и подобает собаке с хорошими воспитанными манерами. Отчистить! Отмыть! Убрать противный запах! Придать свежесть!

Катя Христьян, 10 лет

Во дворе папа соорудил самодельный душ. Поставил на столбах на высоте бочку, врезал внизу бочки кран. Набирай воду из шланга в бочку, вода под солнцем нагревается, открывай кран, и льется теплая, а порой и просто горячая вода.

Я завел Дымка под душ, повернул кран, полилась неторопливыми струйками теплая вода. Пес отфыркивался, крутил головой, но видно было, как нравится ему эта водная процедура. Я несколько раз намыливал кожу собаки и кое – где сохранившуюся шерсть хозяйственным мылом, смывал водой. В самом конце я помыл Дымка глицериновым мылом. Пес не рыпался. Не вырывался. Мытье явно было ему по нраву. Он легко улыбался, а его хвост чем – то напоминал короткий поливочный шланг – так он умудрялся им разбрызгивать воду.

Ульяна Душина, 10 лет

Вот я закончил мыть собаку, насухо вытер ее двумя полотенцами. Теперь предстояла самая сложная и кропотливая работа – расчесать пса. Я взял в руку большую расческу, которой папа чесал овец, и начал старательно наводить порядок на теле пса. Как ему нравилась эта процедура, ведь он чувствовал, как легко начинает дышать тело, поэтому только повизгивал и качался из стороны в сторону от наслаждения.

Мне казалось, что со временем из меня выйдет неплохой парикмахер, так уверенно я держал расческу и осторожно, не причиняя боли псу, распутывал шерсть.

Я старался объяснить, как я вижу нашу дружбу. Пес только напрягал спину, чтобы я хорошенько расчесывал его. Но сначала затронул вопрос, как я понимаю, не очень приятный псу.

– Вот смотри, у меня есть мама и папа, которые очень любят меня и всегда обо мне заботятся. А у тебя семьи нет, нет дома, не помнишь ты ни мамы своей, ни папы. Бездомный и можно сказать – безродный. В общем, сирота конченная, круглая. Не познал ты ни любви, ни ласки, ни заботы.

Дымок мотнул головой, было такое ощущение, что мои слова причиняют ему страдания. Затем собака подняла глаза, казалось, в них блеснули едва заметные слезинки. Ее взгляд говорил мне, что наконец – то в лице этого мальчугана, так заботливо работающего над созданием ее престижного внешнего вида, она нашла человека, который понимает, как непросто ей жилось на белом свете, и который жалеет ее.

Подбодренный участливым взглядом дворняги, я продолжил:

– А вот друзей у меня нет. Настоящих. Мои сверстники любят подшутить надо мной, обидную кличку на всех перекрестках деревни кричат. Ты же еще не слышал?

Дымок покачал головой, давая понять, что не слышал; затем задумчиво уставился в землю, пытаюсь понять, как это неприятно, когда у тебя есть такое прозвище.

– Поэтому я считаю своими настоящими друзьями только маму и папу, но они взрослые и не всегда меня понимают, да и времени на меня у них почти нет – работа, большое хозяйство дома, вот и трудятся с раннего утра до самого позднего вечера. Я стараюсь им не мешать, лишний раз не попадать на глаза.

Пес вскинул торчком уши, выгнутые широкие брови выразили удивление: так много работают родители? И не устают?

– Конечно, мой милый пес, в нашей семье выпадают свободные часы, когда мы все втроем садимся за стол, кипит самовар, ароматно пахнет испеченными мамой булочками, и разговариваем, рассказываем смешные истории, забавляемся играми в лото, порой – картами. Самое приятное для меня – когда мама садится поудобней на диване, открывает книгу со сказками и читает мне, а я мысленно переносусь в тот сказочный мир, воображаю себя героем, который спасает заколдованную принцессу. И удивительное: всегда в моих представлениях рядом со мной находилась верная собака, поэтому, видимо, не случайно ты появился у меня, Дымок!

Дымок уставил на меня неподвижный взгляд, такой пристальный, словно что – то хотел сказать.

– Что ты хочешь мне сказать? – поинтересовался я.

Дымок все не сводил взгляда, все смотрел и смотрел.

– Думаешь, не случайно мы встретились? Думаешь, сначала я придумал тебя, а потом Бог исполнил мою просьбу?

Дымок все не сводил с меня напряженных глаз – чихнул раз за разом от волнения.

– Значит, ты согласен со мной, что не случайно появился в моей судьбе? Как это здорово, когда мы вместе одинаково думаем!

В порыве детских чувств радости я крепко схватил морду пса обеими руками и расцеловал в чистые и свежие щеки.

Сабина Бабаева, 9 лет

Я оглядел пса со всех сторон. После водных процедур и расчесывания он выглядел на славу. Шерсть стала чистой и волнистой. Провел рукой по ней – ощутил приятную свежесть в ладони, словно я опустил руки в речку; шерсть мягко поддавалась движению пальцев, а затем выпрямлялась веером, когда рука продолжала движение вперед.

Тощий был пес, тело просвечивалось через тонкую кожу. Но дай время, откормлю, на поросеночка будет похож.

И все ж Дымок выглядел теперь нормально, словно действительно побывал в собачьей парикмахерской, и над его обликом трудились самые искусные мастера. Он это понимал, весело скалил свои кривые зубы, несколько раз потряс худосочное тело, будто демонстрируя мне свою ухоженность. Даже маленький хвост как – то приободрился, встал торчком и не спеша, так, с ленцой, качался из стороны в сторону. Глаза собаки смотрели с прищуром из – за солнца, а потому взгляд его казался и озорным, и плутоватым.

Можно было запускать Дымка и на конкурсы, и в дом. Запах бездомной собаки, такой вонючий и противный, исчез. Теперь Дымок в прямом смысле благоухал ароматами мыла. До чего же мне было приятно видеть результат моих стараний, да и Дымку надо выразить благодарность: вел себя достойно, не вырывался из рук, не лаял, не извивался, словно в лихорадке. Лишь иногда, когда моя расческа грубо впивалась в его шерсть, задевая кожу, он глухо ворчал. Так ворчат дедушки, когда внуки слишком расшались.

Во двор вошел папа.

– Папа, папа, посмотри на Дымка. Как он выглядит?

– Просто как новенький! – папа широко улыбнулся мне и Дымку. – Глаз не оторвешь. Прямо красавец.

Саша Никитенко. 10 лет

Дымок понял, что папа оценил его внешний вид как образцовый, значительный, и улыбнулся в ответ. А затем вразвалочку подошел к нему, ткнулся носом в ноги и прилег.

– Как пахнет от него ароматно, словно он купался в ванной с хорошим одеколоном, – отметил папа, почесывая собаку за одним ухом. Дымок поднял морду, посмотрел с благодарностью ему в глаза.

Глава 6. Первая и главная потеря

Только одного мне не рассказал папа: у мамы было больное сердце. Когда она решила родить ребенка, врачи предупреждали, что у нее слабое сердце, и оно может не выдержать. Однако мама не испугалась. Вот такая она была смелая – и я появился на свет... Но сердце ее стало болеть сильнее. Я замечал, что мама неожиданно бледнела, начинала тяжело и прерывисто дышать, но всякий раз успокаивала меня, что просто она перетрудилась и у нее закружилась голова. Я этому верил и не задумывался, почему мама иногда плачет потихоньку...

Мы с Дымком были в доме, когда вдруг около дома раздалась тревожные голоса, забежали люди, папа быстро выскочил на улицу и вместе с двумя женщинами побежал в сторону заводика.

Беспокойно стало у меня на сердце, словно обручем сжало его. Что – то с мамой? Дымок неожиданно вскинул голову и потихоньку заскулил. В доме повисла тревога.

– Дымок, за мной, побежали за папой, – закричал я. – Надо быстрее на завод, что – то случилось с мамой.

Мы выскочили из дома, быстро скатились по ступенькам и по пыльной, изнывающей от духоты улице помчались туда, где работала мама.

Когда я и Дымок, проскочив ворота завода, очутились около конторы, было уже поздно... Моей мамы не стало, она умерла прямо в конторе от внезапно сильного приступа сердечной боли.

Папа еще успел, он увидел маму в самые последние секунды жизни, она прижала его руку к груди, тихо – тихо молвила: «Береги сына...». И красивые ярко – голубые глаза мамы закрылись навсегда...

«Потеря нашей мамы!» – Голос папы задрожал. Он широко открыл глаза, вскинул руки, а потом уронил их бессильно. – Нашей мамы! Как мне не хватает ее!

И мой сильный папа вдруг заплакал. Вообразите! Плакал взрослый мужчина! Плакал в присутствии ребенка. Значит, сильная боль у него в сердце, если не стесняется своего сына.

Папа плакал. Плечи вздрагивали, руками он вытирал слезы на лице. Фигура поникла, как – то съежилась.

– Мой родной папа, – я подошел к нему, обнял его за пояс, плотно прижался. Его било от переживаний. – Я с тобой, я очень люблю тебя. Вместе мы – сила, а с нами еще и Дымок!

Взрослого человека утешал ребенок – я, сын, утешал своего папу, вселял в него силы, придавал уверенность.

Папа перестал плакать, крепко – крепко обнял меня и поцеловал в мокрую щеку.

– Мама видит нас, – сказал уверенно папа, – она любит нас, нашей дружбой. Она знает, как мы скучаем по ней, как любим ее, как часто говорим о ней, рассказываем ей смешные истории, которые она так любит.

Вот так в один день я приобрел настоящего друга и потерял маму...

В эти скорбные для меня и папы дни милый пес помогал нам превозмочь боль и горечь потери самого родного человека, не отходил ни шагу, слизывая бережно теплым шершавым языком слезы с наших глаз.

Глава 7. Победа Дымка

Так мы и остались втроем: я, папа и Дымок. Как – то чувствовал себя сиротливо наш милый дом, в котором раньше всегда царила чистота, пахло вкусно мамиными оладушками и наваристым борщом.

Через несколько дней после похорон мамы я вышел вечером во двор. Небо было ясное, множество звезд, которые Творец зажег во Вселенной, чтобы люди не чувствовали себя одиноко, освещали мое грустное сердце. Ветер стих, тишина закутала вечер в свое бархатное одеяло. Я поднял голову вверх, звезды несли мне свет сквозь тайны веков и мироздания.

– Мама, – произнес я, будто она рядом, вот здесь, около моей правой руки стоит, – Папа очень по тебе тоскует, и я тоже тоскую. Мы всю жизнь будем помнить тебя – я обещаю.

Я договорил, просто постоял немного. Мне казалось, что звезды и планеты услышали меня и расскажут где – то там, на небесах, как маму любим я и папа, да и, конечно, пес Дымок!

Я иногда просыпался среди ночи, и казалось мне, что горит на кухне свет, его маленькая полоска пробивается через полуоткрытую дверь, и звучит там мягко и певуче голос мамы, моей самой лучшей мамы на свете. А потом я уходил в сон, и утром я делился этой новостью с Дымком. Пес внимательно слушал мой сбивчивый рассказ, смотрел ласково мне в глаза, словно хотел подбодрить, утешить.

Спал Дымок на специальном коврике, который папа постелил у входа в дом, вытянув передние лапы и положив на них голову с торчащими ушами. Но каждую ночь он тихо подкрадывался к моей кровати и лежал там до утра, не тревожа мой сон. А как только появлялся первый луч солнца, Дымок поднимал свой нос и так же тихо отползал обратно к двери. Я делал вид, что не замечал его хитрости, не тревожил пса, не лишал его радости.

– Папа, я думаю, что Дымок не любит оставаться один, – сказал я. – Тоскует он. Давай перенесем коврик к моей кровати. Но папа был неумолим, наотрез отказался это делать.

– Собака должна знать свое место, – ответил он, – она обязана охранять дом, а не быть куклой в твоих руках.

Дерюшева Д., 8 лет

Я стал приучать Дымка кормить кур, гусей. Давал ему в зубы ведро с пшеном. Надо было видеть, как важно шагал пес по ступенькам, он чувствовал себя хозяином большого подворья и спускался осторожно, чтобы ни одно зерно не выпало.

При виде такого чудовища, как они представляли себе пса, куры и гуси притихали, свои разбойничьи повадки забывали. Стояли неподвижно и смотрели чуть поодаль, как Дымок выпускал из своих крепких кривых зубов ведро, раскатывал его по земле, рыча и нагоняя

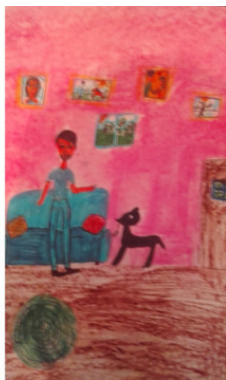
страх на живность. И только когда зерно веером было рассыпано по двору, довольный своей работой, Дымок поднимал голову в мою сторону, ждал команду. Стоя на крыльце, я с тихим смехом наблюдал эту картину, а затем кивал головой и кричал: «Молодец, Дымок! Ко мне, к ноге!» Пес во весь опор, радостный и счастливый мчался к хозяину, и тогда куриное сообщество и гусиное братство, издав торжествующие крики, набрасывались на еду.

Скоро стало ясно, что Дымок не любит оставаться один. Это даже мягко я сказал – просто не переносит, ненавидит быть одному.

Папа ушел на работу, я – в лес собирать орехи, оставили пса дома под замком. Я заботливо поставил перед ним большую миску с водой и кастрюлю с пищей.

Когда вернулся домой, просто ахнул от злости на собаку: вода разлита по всему полу, кастрюля опрокинута, подушки с дивана и кровати разбросаны по всем комнатам, два горшка с мамиными цветами разбиты, а туалетная бумага длинной – предлинной белой лентой пересекала комнату по диагонали, как понтонный мост реку.

Как раз пришел с работы папа. Хотели было ругать пса, накричать на него, но такая щедрая улыбка во всю морду, такое ласковое повизгивание, такая бьющая фонтаном из него радость, что мы вернулись, и он снова с семьей... и вместо наказания мы с папой весело рассмеялись. А пес уже без опасения подбежал к нам, плюхнулся на спину, открыл свое потертое местами и пожелтевшее брюхо, предлагая погладить это чувствительное место. Что мы с папой с удовольствием и сделали.

Мария Воронина, 8 лет

В деревне в каждом доме держали собак. Собаки уже помногу лет жили, узнавали друг друга по голосам, привыкли, пообтерлись, драк между собой не затевали. Нередко их спускали с цепей, и они носились по улицам, поднимая клубы пыли, чихая от нее и отплевываясь. Но как поведут они себя, когда среди них появится чужак, посторонняя собака? А ведь некоторые были очень внушительные по размерам и весу, с толстой шеей и густой шерстью. Враз могут поднять нашу дворнягу, да еще и покусать!

Вот почему пока я не отпускал Дымка со двора, всегда держал калитку закрытой. А когда покидал дом, то закрывал его в доме. После того случая, когда он учинил настоящий погром, я попробовал его привязать. Но не в доме, а во дворе. Папа к тому времени купил ошейник и железную цепь. И мы думали, что теперь не будет неудобств с Дымком – привязал к металлической стойке, и никуда он не денется.

Однако Дымок оказался хитрее, чем мы с папой могли предполагать. Расчет Дымок делал на собачью природу. Если одна собака где – то завоет, то в знак поддержки откликнутся обязательно все другие собаки, которые услышат вой.

И вот привязанный Дымок начинал выть. Сначала тихо, прислушиваясь к реакции других собак, а потом все увереннее и громче. Он выл и выл, скулил и скулил, и все собаки деревни подхватывали его завывание, одна за другой, словно передавая друг другу эста-

фету. Поднималась настоящая какофония. Вся деревня выла, стонала, рычала. А наш хитрюга Дымок замолкал, словно говоря, что он здесь ни при чем. А звуки такого собачьего воя ни один взрослый не выдержит... Посыпались папе жалобы, потом угрозы: или заставь собаку замолкнуть, или забросают ее палками и кольями. Даже хотели вызвать милиционера и наказать папу за то, что его собака нарушает общественный порядок.

Одним словом, Дымок одержал верх над нами с папой – мы поняли, что его нельзя оставлять одного.

– Дымок не хочет оставаться один, – сказал я папе. – Вот в этом загвоздка. Если мы его любим, считаем членом семьи и не хотим потерять, придется ходить вместе с ним. – Так я подытожил наш разговор. Папа уже не мог сопротивляться, ему порядком надоело объясняться.

И только я понимал хорошо, что терзает Дымка. Одиночество. У него разрывалось сердце от одиночества. А уж я – то испытал на себе, что такое оставаться одному.

Глава 8. Поход в магазин

Итак, Дымок уже не оставался один. Куда бы я ни шел, он бежал рядом, всем видом выражая свое удовольствие: веселая, озорная морда, чуть высунутый розовый язык, короткий хвост покачивался в такт движению. Весь облик свидетельствовал о том, что Дымок не какая —то там дворняга захудалая, а настоящий домашний пес со своим хозяином и местом в доме, сытной едой и водными процедурами.

Алиса Могилевцева, 10 лет

— Дымок, сегодня идем в магазин, — поглаживая пса за шею, заговорил я, — будь умница, прохожих бесцеремонно не обнюхивай, от собак держись подальше, а в магазине ни — ни, ни шагу от меня, — вот такие наставления получил от меня Дымок, пока мы выходили со двора.

Закрыв за собой калитку, я наклонился пониже и несколько раз сделал сильный вздох над спиной Дымка. От неожиданности дворняга даже попятилась: «Мой мальчик, с тобой все в порядке? Уж не спятил ты с ума?» — думаю, что именно так она и подумала.

— Не бойся, Дымок, умом я не тронулся, — весело произнес я в ответ чаяниям собаки, — просто хотел лишний раз удостовериться, что вонючий запах от тебя ушел. Пахнешь ты превосходно!

Дымок нетерпеливо посмотрел на меня, словно говорил: «Ну давай, не тяни, мальчик, как раз самое интересное...». Даже переступил лапами, выражая свое нетерпение.

Я сказал собаке:

— Магазин у нас большой. Просто громада! Ты перед ним, как котенок.

Дымок сделал вид, что обиделся — сравнить его с котенком, и как, мол, ты, хозяин, до этой глупости дошел?

Я стал оправдываться, почувствовав, что задел Дымка за большое:

— Нет, Дымок, ты уж извини меня. Я просто хотел на примере объяснить тебе, каких размеров у нас магазин. Ты не будешь сердиться больше?

В знак примирения Дымок подарил мне веселую улыбку, и мы продолжили путь.

Сельский магазин представлял собой небольшой деревянный домик, снаружи обшитый досками, раскрашенными в аляповатые цвета: ярко — красные, ярко — желтые, бледно — серые, зеленые, как тина в болоте, оранжевые, словно нос пропойцы. Поговаривали о нечистой силе, которая враз за одну ночь темные, местами погнившие доски раскрасила в столь броские цвета. Как бы там ни было, после той ночи никто не решился смыть краски.

Даже сам глава поселка, по отдельным сведениям, узнав о произошедшем, перекрестился в темном уголке, затем плюнул несколько раз через левое плечо и пробормотал: «Ну

лукавый, и поддал ты нам перцу, и за какие такие грехи?» А не получив ответа от лукавого, усмотрел в этом некий тайный смысл и приказал доски не менять и краски не соскабливать.

– Держать тебя на поводке я не буду, – разговаривал я с Дымком по дороге, – пес ты умный, и, как всякий умница, дорогу людям будешь уступать, приветливо смотреть на них, в ссору не ввязываться, повод для скандалов не подавать. Дымок топал рядом, нос крутился у него по сторонам, принюхиваясь к дразнящим собаку запахам, хвост поднят вверх от напряжения, и он напоминал ствол молодого зеленого деревца. При моих словах он поднял морду, весело открыл пасть, будто говорил: «Не волнуйся, мальчик, все будет в порядке, я еще тот пес, который и умен, и вежлив, и покладист. Что – что, а ссоры затевать не в моем собачьем характере!»

Угадав его ответ, я спокойно вздохнул, и мы не спеша по летней улице приближались к магазину. Только одна собака повстречалась нам по пути, и то она остановилась поодаль, внимательно смотря нам вслед. Среди собак деревни существовало неписаное правило: если собака на улице не одна, а с хозяином, то к ней не подходить, отношений не выяснять, не рычать и вообще вести себя тихо, неприметно.

Встретилось нам несколько человек на улице, Дымок добродушно помахал им коротким хвостом в знак приветствия, чем привел прохожих в веселое настроение.

Вот и магазин, сверху на широкой доске надпись «Продмаг», а рядом с входной дощатой дверью какой – то озорник прибил небольшой лист фанеры с надписью: «Проси мало, денег давай больше, уходи быстро». Глава поселка махнул рукой на это, усмотрев в очередной раз проделки того самого лукавого, а посему указал лист не снимать и силу нечистую не бередить.

Еще магазин примечателен был тем, что возле него стояло несколько скамеек, врытых в землю. Люди шли в магазин не просто купить продукты, а еще новостями поделиться, пошептаться о чудесах, которые происходят в деревне, нарядами покрасоваться, поэтому скамейки не пустовали, на них всегда кто – то сидел. Тем более в летнее теплое время, когда сама природа настраивает людей на общение, разговор по душам.

Вот и на этот раз скамейки напоминали поле, засеянное разноцветьем. Сидевшие на них женщины, оживленно обсуждавшие последние события в деревне, спасались от жары, повязывая на головы ситцевые косынки, цвета и узоры которых как раз создавали впечатление луга с его травами и цветами. Тем более, головы сидевших склонились друг к другу, чтобы, не дай, бог, что – то упустить или не рассказать, отчего вид поля или луга становился значительней.

Мы с Дымком приблизились к скамейкам. Как по команде, женщины замолчали, разом одновременно подняли головы и во множество глаз уставились на нас. Я – то понимал, в чем причина столь странного поведения – новый для них объект в поле зрения возник, это событие, выходящее за пределы обычного круговорота событий. Значит, новые мысли, предпо-

ложения, догадки, и так и этак можно истолковать, кто на что горазд. Пища для разговора на несколько дней. Как здесь сердечку не забиться посильнее!

Я незаметно толкнул Дымка в бок, давая ему понять, чтоб показал самое лучшее свое воспитание, не ударил лицом в грязь. Дымок (приятно, когда твой пес – умница) все понял правильно: «Это деревенское вече, если оно примет меня благосклонно, то авторитет хозяина и мой, соответственно, поднимется в разы. Так что, пес, действуй!»

И пробил час Дымка! Потом еще долго в деревне судачили да рядили о чинных и благопристойных манерах «милого пса» – так прозвали мою собаку с легкой руки этих женщин.

Дымок присел на задние лапы, вытянув до хруста свои передние, подбоченился, гордо этак поднял голову, наострил уши, даже плешивость как —то затерялась на общем фоне грациозности и телесной стати собаки. Под солнечными лучами окрас шерсти приобрел привлекательный голубоватый цвет, местами переливаясь, как цветное стекло. Чтобы не испортить своим коротким голым хвостом наружной прелести, Дымок умело запрятал его под задние лапы. И, конечно, непревзойденная улыбка дворняги, чистая и широкая, во всю пасть обрушилась с силой водопада на добрые женские сердца!

И видят изумленные сидельцы скамеек, женщины в простых ситцевых косынках, величественного импозантного пса, веселого и ласкового, во всей своей красе представшего перед ними, словно перед строгим жюри на конкурсе собачьей красоты. Не успели они еще и охнуть, то ли от бесцеремонного нахальства Дымка, то ли от его белых крепких зубов, светящейся улыбки и красивой фигуры, как мой пес, не давая передышки своим неожиданным зрителям, встал и вразвалочку, смешно переставляя кривые ноги, затрусил к сидевшим.

Вот он подбежал к одной из них, трогательно так, аккуратно, мягко опустил голову на колени и направил на женщину свои лучистые глаза, наполненные такой детской искренностью и вместе с тем беззащитностью, что она невольно нежно улыбнулась, потянула пса за морду и расцеловала в пушистые, ароматно пахнущие щеки, воскликнув: «Ну какой же красавец, просто милашка!»

Пришли в движение и остальные женщины, каждой захотелось приласкать Дымка, прошептать что – то теплое в ушко, потрепать за шею. Дымок наслаждался своим триумфом. Можно было смело утверждать, что еще ни одна собака деревни не удостоивалась такого неподдельного восхищения взрослых.

Елена Тараканова, 8 лет

Дымок переходил из рук в руки, клал на колени каждой свою светящуюся морду, посматривая весело в лица женщин и получая от каждой массу комплиментов. Одна из них протянула Дымку конфетку «Дунькина радость» – круглая, как шарик, карамель, залитая липким сахаром.

И здесь возник конфуз. Дымок неожиданно тряхнул головой, стиснул зубы... Женщина едва ли не обмерла. Вытянули головы другие: «Что с собакой!». Даже я на секунду струхнул:

«Все пропало, не пора ли убежать?» Но надо было знать натуру Дымка! Он верно рассчитал эффект от следующего шага!

Дымок повернул голову в мою сторону. О, какое оно было плутоватое! Взгляд его сразу приободрил меня: «Мой мальчик, все в порядке. Я же должен, как воспитанный пес, спросить у тебя разрешения!» Я произнес громко и, как мне показалось, твердым повелительным голосом:

– Бери, Дымок!

И, выполняя мое распоряжение, Дымок пошевелил носом, втянул в себя аромат конфетки и медленно теплым языком слизал ее с руки женщины, а затем, усиливая значимость своей персоны, несколько раз провел им по ее руке, выразив тем самым свою признательность. Все женщины захлопали в ладоши, кричали, перебивая друг друга: «Ай да псина, ай да молодец! Вот бы нам такого на старости лет заиметь, и скучать бы не пришлось!»

А одна из них возьми и крикни так испуганно – жалостливо:

– Ой, какой же он доходяга, вон кости все светятся. Женщины, давайте подсобим, откормим сообщца этого милого пса!

И показалось мне, что женщины стали в этот день самыми добрыми и и щедрыми феями: они доставали из сумок, сеток, авосек только что купленные продукты, протягивали их мне, прося обязательно принять угощение и откормить пса, чтобы он стал дородным, а то похож на доходягу. Отказываться было бесполезно: на деревне так не принято, дают всегда с чистым сердцем. Передо мной выросла гора продуктов. Уже было не до магазина.

А Дымок стоял в стороне, так хитро улыбался, словно говорил мне: «Мой мальчик, со мной не пропадешь. Всегда кусок хлеба добуду, это у меня в крови!»

Вот так и закончился наш поход в магазин. Возвращались мы с полными сумками продуктов. Дымок нес в зубах две авоськи.

Глава 9. Дымок и котенок

Все дома было бы спокойно, все шло прекрасно... если бы не котенок.

В деревенских домах, как правило, водятся мыши, а также иногда премерзкие крысы. Есть чем полакомиться серой твари в погребах, на кухне, в отходах. Отъедают себе брюхо, затем с неприятным скрипом тащат его по полу. Потому в каждом доме держат кошек, и зачастую не по одной.

У нас дома жила одна кошка. Правда, все время она проводила на улице, так сказать, на свободе. Жила вольготно и потому вроде бы вела себя неприметно.

А вот с Дымком все оказалось по – другому: беспокойство причинил он и нам с папой, и кошке. А точнее, одному из ее котят.

Как на беду, когда Дымок лежал на своем коврик у порога, он решил побаловаться, проскочить комнату от одной стены к другой. Жалко потом было его!

Ангелина Поднебесова, 7 лет

Дымок увидел котенка и с неожиданной прытью рванул за ним, забыв свое чинно – благородное воспитание. В доме все враз пришло в движение. От ласкового пса и следа не осталось.словно угорелый, звонко и отрывисто лая, он носился за бедным перепуганным таким чудовищем котенком. Я видел не Дымка, а шерстяную ракету, с быстротой молнии пересекающей комнату. Лапы Дымка разъезжались по чистому ровному полу, словно он бежал по льду. Его заносило на резких поворотах, крутило по полу, но он вскакивал и отчаянно гнался за серым перепуганным маленьким существом.

Котенок жалобно мяукал, пищал, он потерял ориентир, запутался, в какой стороне находилась его спасительная выходная дверь. Скользнул под диван, рассчитывая на узкую щель между полом и днищем дивана. Но как он был легковверен! Такое препятствие только не для Дымка – он просунул нос, затем морду, приподнял диван, грозно рыча в темное пространство. Котенок рванул из – под дивана, на мгновение опешил от яркого света, приостановился. Но этой секунды было достаточно для Дымка. Он прихватил его своими крепкими зубами и очень аккуратно, не давал ему выскользнуть, но и не душил окончательно, держа в зубах вполне живого котенка.

Папа, сидевший за столом, просто закричал, как кричит охотник, подстреливший дичь:

– Ты у нас просто отличный пес, Дымок! Непременно буду брать тебя в лес, тогда ни один волк не уйдет от нас.

А Дымок стоял на месте и победоносно крутил хвостом. Мол, знайте наших, не лыком шиты!

– Я думаю, сын, мы теперь долго не увидим нашей кошки, – задумчиво проговорил папа. – У меня сложилось впечатление, что Дымок отбил у нее всякое желание заходить в дом.

Словно поняв сказанное, Дымок подбежал к папе и, подтверждая его догадливость, как и полагается собаке – охотнику, поймавшей дичь, поднял морду вверх, демонстрируя свою добычу. Котенок от страха закрыл глаза, беспомощно болтая в воздухе мягкими лапками. Дымок улыбнулся папе. Так гордо и славно!

Папа почесал затылок, посмотрел на меня, перевел взгляд на Дымка. Я и пес молча смотрели на него. Понимали, что папа принимает какое – то решение.

Затем он произнес добродушно:

– Давайте отпустим котенка! Он еле живой от проделки нашей милой собаки.

Я кивнул головой Дымку. Понимая важность своих действий, собака медленно пошла к выходу, толкнула лапой дверь и разжала пасть. Котенок с радостным мяуканьем плюхнулся на крыльцо и здесь же дал деру, только и видели мы его тонкий хвост.

Мы сидели, и каждый думал о своем. Я говорил маме, как будто она присела рядом:

– Мама, я думаю, что ты живешь в хорошем домике и непременно с лужайкой, чтобы ты, как и в нашем дворе, могла сидеть на зеленой траве. Знаешь, мама, было так смешно, когда Дымок ловил котенка. Ты бы смеялась и смеялась... Еще одна история с нами вышла, когда мы с Дымком пошли в магазин. Ты бы, наверняка, гордилась нашей собакой, ты же ее полюбила.

А потом я начал жаловаться маме, что мне одиноко без нее, нет друзей, кроме Дымка. Но ведь хочется иметь еще и настоящего человеческого друга, такого же по возрасту, как и я. Никто не хочет дружить со мной, боятся, что я какой – то предатель, доносчик, сразу буду рассказывать взрослым о проделках. Словом, боятся каких – то придуманных неприятностей. Вот только мне приятно общаться с девочкой Настей. Но, мама, она еще мала, всего пять лет, ни о чем серьезном с ней не поговоришь.

А Дымок положил голову на вытянутые передние лапы. Закрыв глаза. Я думаю, что он вспоминал свое красивое детство, свою ласковую маму и смелого отца – настоящего борзого пса. Как он погиб, защищая от разъяренного кабана своего сына, Дымка, который впервые вышел с ним на охоту... Как потом не могла перенести трагедии его мама, утром ее обнаружили мертвой. Как неожиданно исчезли хозяева, бросив щенка Дымка одного...

Тихо посапывал пес, убаюканный своими воспоминаниями. Закрыв глаза и я – пришла ночь.

Глава 10. Сказка моей бабушки

Утро выдалось пригожее. Теплое, солнечное. Небольшой ветер приятно освежал лицо. Мы шли с Дымком на лесопильный заводик, где еще недавно работала моя мама.

Я решил показать псу самое достопримечательное место в нашей деревне. По дороге рассказал ему, что давно – давно на месте нашей деревни шумел дикий лес, и ничего тут, кроме болот, комаров и непроходимых кустарников, не было. И еще жили здесь большие медведи, злые волки и страшные свиньи – кабаны. А сверху летели черные, как ночь, вороны. Так каркали, что люди бежали прочь из леса. Вот страх – то наводили они! Дикий край. Дикие звери. Дикие птицы

– Представляешь, Дымок, здесь же и собаки водились. И даже очень умные водились. Ну просто мудрые из мудрых! А давай я тебе расскажу одну историю, мне поведала ее еще бабушка. Скорее всего, это сказка, в ней твой четвероногий родич показывает свою смекалку.

Дымок приподнял уши, взлетел вверх и стал похожим на острый камыш, который на нашей речке растет, куцый хвост. Все это выдавало нетерпение пса. Я подметил, что он не прочь послушать разные сказки, истории.

О собаке и вороне

Жили были собака и ворона: собака – в степи, ворона – в лесу, на высоком дереве. И была эта ворона не простая, род ее издавна считался царями птиц. Собака же была происхождения обычным, род ее дворянами прозывался.

Как – то раз прилетела ворона к собаке, села на куст и говорит:

– Поскольку ты низкого происхождения, будешь платить мне дань.

Помолчала собака, подумала – она же еще и к роду умных относилась – и сказала:

– Ты, ворона, в небе летаешь, а мы по земле бегаем. Так и царствуй в своем небе, а нами ты повелевать не можешь. Дань платить тебе не будем.

Сильно разозлилась ворона и пригрозила:

– Миром не хочешь, так я силой заставлю! К суду тебя привлеку, мне, птице царского происхождения, суд не откажет.

Взлетела ворона в небо и полетела к вождям этих земель. Вожди ее жалобу приняли, в список жалобщиков занесли и вынесли решение, обязательное для исполнения и собакой, и вороной:

– Кто из вас первым придет на суд со всеми нужными документами, тот и будет повелителем, а другой станет платить ему дань.

Суд находился далеко, на другом конце земли. Очень это обрадовало ворону: «Летаю я быстро, собака бежит медленнее меня. Значит, я первой буду на суде и меня признают повелительницей».

Пришла к вороне собака – а была она хорошо воспитанная, как и ты, – и попросила ее:

– Уважаемая сильная и быстрая ворона, ты все равно будешь на суде раньше меня, и зачем мне являться на суд? Захвати с собой мои бумаги, передай судье, а я на суд не явлюсь.

Ворона без колебаний согласилась – она уже предвкушала победу – взяла у собаки документы, положила в свою дорожную сумку.

Собака ушла, однако ночью снова пришла к вороне, разбудила ее и говорит:

– Я передумала, госпожа ворона. Давай мои документы назад. Я все – таки сама пойду в суд. Ты, конечно, прилетишь первой. Я так быстро не бегаю, как летаешь ты.

Обрадованная ворона достала свой дорожный мешок и вынула из него документы собаки. Было невдомек вороне: ведь собака хорошо запомнила место, где лежит мешок. И вот что она замыслила...

Как только ворона отвернулась, чтобы погасить огонь, собака спряталась в высокой траве около ее хижины. Ворона подумала, что собака ушла домой, и скоро заснула. Но хитроумная собака потихоньку вошла в хижину, залезла в мешок и притаилась.

Утром ворона проснулась с пением петуха и заторопилась в дорогу. Закинула на плечи мешок и полетела. Показался мешок ей тяжелым. «Это, наверное, что мои документы в них лежат», – подумала она. Передохнула немного и полетела дальше.

Вот подлетела она к суду, где должно было решиться – кому быть вождем, а кому платить дань.

Спросила она у служащих:

– А собака не появлялась?

Ответили ей работники:

– Нет, не видели.

– Значит, проиграет она тяжбу со мной, – с радостью воскликнула ворона. – Ей еще не менее двух переходов осталось. Времени у меня много, а не перекусить ли мне?

Тогда попросила она людей:

– Я полечу, поем лепешки из сыра, постерегите, пожалуйста, мою сумку.

И полетела она в деревню кушать лепешки из сыра и запивать сладким чаем.

Между тем, собака, которая все это время тихонько сидела в мешке, вылезла из него и пошла к судье со своими бумагами. Тот шлепнул на них печать с номером «1» и записал, что собака первой подала документы в споре с вороной.

Возвратилась ворона и услышала ужасную новость:

– Собака пришла сюда раньше тебя. Поэтому вождем назначили ее, а не тебя. Плати теперь дань собаке.

С той поры стараются собаки в любых спорах и гонках быть первыми, чтобы их назначали лидерами.

А ворона стала повсюду кричать, что решение суда было несправедливым, что собака не могла быть первой, потому и каркает ворона всегда громко, чтобы ее обиду все слышали.

В конце бабушка так грустно мне сказала: «Сейчас, кроме меня, никто об этой истории с собакой и вороной не помнит, всех моих друзей, всех, кого я знала в юности, давно уже забрал к себе Бог. В живых осталась я одна, да и сама скоро помру...».

– Вот такую историю поведала моя бабушка, Дымок, – обратился я к собаке. – Было это очень давно. На том свете бабушка, на месте диких зарослей выросла наша деревня, а мой дедушка построил этот лесопильный завод. Все изменилось. Дикие звери и птицы ушли в глухомань, никто их не видел.

Дымок жалобно вздохнул, видимо, ему было жаль бабушку, которую он никогда не видел. Потом мудро кивнул головой, мол, чего только в жизни не бывает, и он горд, что его предки были такими умными.

Мы подходили к заводу.

Глава 11. Приключения на заводе

Перед тем, как пройти внутрь завода, я еще раз напомнил Дымку, что вести следует себя осторожно, норов свой не показывать.

— Здесь, Дымок, около пяти лет охраняет завод собака по кличке Ника. Большая такая кавказская овчарка. У нее серая густая шерсть. Иногда кажется, что туман клубится, если Ника бежит. Очень дрессированная сторожевая собака. С завода ни ногой, даже все ворота открой. Всегда начеку, на любой шорох уши вострит и глаза, кажется, никогда не закрывает. Иногда думаешь, а спит ли вообще Ника. Любого чужака за версту чувствует, так что будь с ней почтителен и любезен.

Дымок не пропускал ни одного моего слова, все запоминал, непрестанно кивая головой, — мол, не парься хозяин, не надо много слов, все будет отменно.

Первым вошел я, следом протиснулся Дымок. Но не успел он еще задние ноги внести на территорию завода, а Ника уже мчалась со всех ног к нам, грозно рыча. У меня слегка дрогнули колени, захотелось броситься со всех ног назад, но было поздно. Ника рядом, пасть широко открыта, пенится рот. Я невольно подался назад, закрывая лицо руками...

И вдруг стало тихо. Я отвел руки, и что я вижу — мой пес Дымок стоит рядом с Никой, морда его щурится от удовольствия, живот подтянут, хвост крутится весело туда — сюда. А славная сторожевая овчарка Ника весело смотрит на Дымка, все ее плотное тело слегка обмякло, пробегает по нему волна радости. Вот вам и встреча! Ника опустилась на землю, поджав под себя лапы, устремив на Дымка с ласковой поволокой глаза.

О, как посмотрел на меня Дымок! Горделиво держа голову, он не спеша скосил в мою сторону взгляд, а в нем задорно играло и ликовало собачье тщеславие: «Ты смотри, смотри, мой мальчик! Как меня встречают! Как принца! Хорош, хорош я, что и говорить! А как тебе моя избранница? Красивая? Конечно, пара мы что надо!»

Дымок осторожно прилег рядом.

— Дымок, ты великолепен! — не удержался от похвалы я. — Я и не предполагал, каким ты можешь быть воспитанным!

Дымок не обращал на меня внимания, но вот скрипнула калитка... Ника со всех ног помчалась к входу. Службу свою она несет исправно, как бы подтверждая незыблемость человеческого правила: делу время, а потехе час.

Дымок не огорчился, он и так получил впервые, наверное, за всю свою собачью жизнь внимание другой собаки. А это так дорого стоит!

Мы подошли к конторе, простому небольшому дощатому домику. Сторожит его бабушка Люба — полная высокая старушка с седыми завивающимися волосами. У меня с ней при первой же встрече, когда еще мама работала здесь, сложились дружеские отношения.

Уже вечерело, рабочие ушли с завода. Я постучал в дверь, бабушка Люба открыла и, увидев меня, радостно обняла. Дымок недовольно заворчал, в вечерней туманной мгле его фигура показалась бабушке Любе такой большой, что она вскрикнула с ужасом, буквально истошный вопль вырвался: «Медведь! Медведь!» И большая грузная женщина рухнула на пол, и, если бы я не подставил руки, то вряд ли пол выдержал такой удар.

— Что с вами, бабушка Люба? — тревожно спросил я.

— У нас на заводе медведь, быстрее закрой дверь, — пролепетала старушка.

— Откуда медведь? Где он?

— Там, за окном. — бабушка Люба дрожащим пальцем показал в сторону окна. Я проследил за движением руки и увидел за окном голову Дымка, который подпрыгивал, чтобы увидеть через окно комнату конторы.

— Бабушка Люба, да какой же это медведь? Это моя собака. Зовут ее Дымок.

– Это точно?

– Ну конечно же. Абсолютно точно. Это мой пес. Я его ни с кем не перепутаю.

Бабушка Люба все же поверила и, еще дрожа всем телом, начала подниматься. Я поспешил протянуть ей руку.

– Все чудесно, никакого медведя нет, так что не надо волноваться, – как мог, успокаивал я старушку.

Бабушка Люба встала на ноги, как – то неловко стала теревить складки платья.

– Вот теперь ты будешь считать меня трусихой, – начала оправдываться она, – если не больше – едва ли не выжившей из ума старухой, которая не может отличить медведя от простой собаки.

– Что вы, бабушка, да я и сам бы перепутал в такой мгле собаку с медведем, – такой ответ привел старушку в полное самочувствие.

– Позови свою собаку, я хочу с ней познакомиться, – сказала она. – Вполне возможно, что мы подружимся.

Я выскочил на улицу и тут же вернулся с Дымком. Пес радостно подбежал к бабушке Любе, подставил ей свой плешистый бок, старушка так радостно прыснула от легкой забавы пса и начала гладить его.

– Ого, какая прекрасная собака, ну просто чудо! – молвила трогательным голосом старушка.

– Да. У нее необычные способности.

– Совершенно удивительный талант. И как в такую собаку не влюбиться, – сказала старушка и улыбнулась Дымку.

Дымок довольно вильнул хвостом и принялся обнюхивать старушечьи ноги в стареньких галошах, а потом растянулся у ее ног.

– А вы хотите быть нашим другом? – спросил я бабушку Любу.

– Конечно. Непременно!

– Тогда давайте дружить все вместе: вы, я и Дымок. Идет?

Бабушка Люба всплеснула руками, улыбка ее стала еще шире.

– Это так приятно для меня. Просто восхитительно. Приходите хоть каждый вечер ко мне, я всегда буду рада вас видеть.

Я улыбнулся в ответ. Это так замечательно, что у меня появился друг, первый друг в нашем поселке. Дымок приветливо помахал хвостом, ему тоже было хорошо, что и у него появился друг.

Глава 12. Зеркало

Время шло. Дымок окончательно обжился у нас. Исправно тянул собачью лямку: быть помощником хозяину, расторопно управляться по хозяйству.

Когда приходило время кормить кур, гусей, уток и индюков, Дымок уже был начеку. Он подбегал ко мне, тыкался своим круглым носом мне в ногу и бежал к ведерку, которое стояло всегда в углу кухни. Брал ведерко в зубы и, добродушно улыбаясь, весело повиливая коротким хвостом, направлялся к выходу. Мы заходили с ним в маленький амбар, который папа пристроил к дому, я насыпал в ведерко корм, и Дымок выбегал на улицу. Там его уже ждала голодная орава живности, но вела она себя спокойно, терпеливо ожидая, когда Дымок раскатает зерно по земле и отбежит. И лишь тогда птичья ватага приступала к еде. Дымок наблюдал со стороны, готовый в любой момент вмешаться и пресечь нарушение порядка.

Плешина на теле Дымка постепенно зарастала, шерсть стала сиять. Ребра исчезли, бока надулись, залоснились. Хвост незаметно покрылся тонким пушком, отчего светился, когда пес размахивал им. Лапы уплотнились, так крепенько смотрелись. Короче, собаку было не узнать – ну просто откормленный плотненький такой бычок. Ни дать, ни взять!

Дымок явно загордился своим новым внешним видом: попробуй – ка прими его теперь за бродячую собаку.

Как – то случайно у зеркала, что висело в моей комнате, оборвалась нить, державшая его на стене. Я поставил зеркало на пол, вечером придет папа и приделает к нему новую веревку. Хотел было выйти, но мое внимание привлекло поведение Дымка. До этого пес спокойно лежал на полу, а здесь вскочил, подбежал к зеркалу и уставился в него, не мигая. Он был ошарашен – откуда здесь еще одна собака? Словно негодовал: «Мой мальчик, ты предал меня? Завел себе нового друга? Это не по – мужски!»

Софья Коваленко, 9 лет

Весь вид пса говорил, что он просто так не уступит – не на того нарвались. Тело задрожало от напряжения, пасть грозно открылась, и Дымок зарычал, показывая неведомому врагу крепкие зубы. Хвост воинственно поднялся и застыл, как грозное оружие.

Дымок отскочил от зеркала, по – прежнему извергая грозный клич бойца, присел на лапы, вытянул шею. Я понял, что сейчас он ринется на зеркало, на это чудовище вражье, которое незванно – нежданно появилось в доме и хочет отнять у Дымка все его собачье благополучие: хозяина, сытную еду, теплый коврик, приятные прогулки по деревне. И снова он станет бездомной, неухоженной дворнягой! Нет и нет! Такого Дымок не мог допустить – или он уничтожит соперника, или умрет в честном бою!

Я успел перехватить Дымка еще до того, как он намеревался ринуться на зеркало. Крепко прижал к себе, я ощутил, как быстро и горячо бьется собачье сердце, как захлебывается он в пене ярости за друга, за меня. Он готов был вступить в любой бой, пусть даже неравный, где может погибнуть. Такая собачья преданность потрясла меня. Я задрожал, как дрожал и сам Дымок. Слезы выступили у меня на глаза, я гладил пса, шептал в уши ласковые слова, просил успокоиться: нет никакой другой собаки, виной всему зеркало, в нем его отражение.

– Ты мой самый лучший друг! – горячо и возбужденно нашептывал я псу. – Я тебя никогда не предаю, не поменяю на другую собаку. Прошу тебя, перестань злиться!

Постепенно мои слова и ласковый голос возвращали Дымка в прежнее состояние. Вот он прикрыл пасть, дышать стал ровно, хвост упал на пол, уши согнулись. Я поцеловал несколько раз его в щеки. Пес улыбнулся, начал слизывать с моего лица остатки слез. А потом затих, задремал у меня на руках, обессиленный внезапным чувством страха и агрессии. И я осторожно покачивался своим телом, убаюкивая Дымка, как младенца.

Когда Дымок пришел в себя, я убрал зеркало с пола на верхнюю полку. Решил не вешать на стене – слишком свежи были неприятные ощущения.

Папе, когда он вечером вернулся с работы, ни слова не сказал о происшествии. Дымок также не подавал вида, встретил папу весело, с улыбкой во всю пасть.

С той поры я убедился окончательно, что у меня появился настоящий друг, который защитит меня всегда.

А то злополучное зеркало так и осталось лежать на полке, я не повесил его на стену.

Глава 13. Дымок и дрова

Приучил я Дымка помогать мне при рубке дров... Разбросав корм птицам, пес подбежал к крыльцу, садился на задние лапы. Куцый хвост нетерпеливо бил по земле, уши попеременно опускались и взлетали вверх, как быстрые стрижи, пасть широко открыта, и розовый язык скользит по зубам. А черные озорные глаза неотрывно смотрели на меня. Точнее, на топорик в моей правой руке и говорили: «Мой мальчик, пора браться за дело настоящих мужчин, я готов». Вся фигура моей собаки выражала радостное возбуждение, еще бы – впереди работа для его зубов, лап и хвоста. И я подавал знак взмахом топорика, мол, пришла пора действовать.

Дымку только и нужна была эта команда. В лучах утреннего солнца он взлетал подобно мохнатому снаряду, оставляя за собой завесу пыли да испуганное кудахтанье кур. Приземлившись около калитки, взмахом короткой сильной лапы открывал ее и с радостным лаем выскакивал на улицу. Там около забора лежали приготовленные для рубки доски.

Дымок впивался крепкими зубами в одну из них, напряженно пятился назад, отчего хвост застывал неподвижно, как электрический столб около нашего дома; глухо ворчал, пока вытаскивал доску из связки, а затем тащил ее несколько метров до дубовой колоды, где я ловко орудовал своим топориком. Дымок разжимал зубы, клал доску к моим ногам, и здесь же, повизгивая от усердия, неистово размахивая хвостом, снова устремлялся за очередной своей добычей.

Я перевозил нарубленные дрова в дровяник на тележке с двумя колесами, которую папа сделал для этого случая. Дымок, держа поленья в зубах, подносил их к тележке, резким взмахом головы, радостно повизгивая, бросал в нее. Коротко лаял: «А каков я, мой мальчик! Тебе здорово повезло, что я есть у тебя. Но и ты для меня первая радость и первое счастье! Так мне хорошо с тобой!»

Я заливался наивным смехом от такой искренности и непосредственности. Мой верный мохнатый друг весело щурил глаза, облизывал теплым языком мои босые ноги. Мне было щекотно, но очень приятно.

Нагрузив тележку доверху, я вез дрова в сарайчик. Дымок неторопливо шагал рядом, покачиваясь на упругих лапах. Вся морда собаки сияла от гордости: вот он какой, верный и незаменимый помощник своему хозяину.

– Послушай, Дымок, – говорил ему по дороге я, – вот придут скоро холода, дождь там, всякий снег, мороз. А в нашем домике будет тепло.

Пес поднимал морду, взгляд спрашивал: «А что такое „тепло“? Объясни доходчиво, на понятном мне языке».

– Это, мой друг, – весело отвечал я, – как тебе сейчас под твоей шубой, шерстью. Тебе же хорошо!

Дымок кивал головой, капельки пота от усердного труда и солнца падали с мохнатой морды. Он стряхивал их движением головы из стороны в сторону.

– Так вот, – продолжал я, – будем вечерами вместе топить печь. Только вечерами, потому что утром будет топить папа. А когда была жива мама, это делала она. Знаешь, Дымок, так здорово! Огонь гудит в печке, трещат дрова, искры вылетают, когда открываешь дверцу. Раньше мама ставила чугунок с молоком, такой сладостью тянуло от вскипающего молока, что голова начинала слегка кружиться.

При таких словах Дымок быстро – быстро закрутил головой, давая понять, что он все понимает. Обалдевшие от такого круговорота собачьей морды гуси застывали на месте, лишившись своего обычного гоготанья. Картина так картина!

– Я люблю, Дымок, – подытоживал я свой короткий рассказ, – залезать на каменку, кирпичи там горячие, так приятно лежать на них, переворачиваясь с боку на бок.

При слове «каменка» пес замотал головой из стороны в сторону, давая мне понять, что ему неведомо это странное слово, хвост от напряжения встал торчком. Я засмеялся, толкнул Дымка ногой, мол, не переживай, все скажу;

– Каменка, Дымок, – здесь я выставил себя едва ли не печных дел мастером, – это такое пространство над печкой, куда можно забраться и греться на кирпичках. Порой я засыпаю на них. Так легко спится, и сны я вижу самые яркие. Обязательно я в них рыцарь, спасающий от опасности принцессу. Хочешь, будем вместе спать на каменке?

Дымку можно было и не задавать этот вопрос. Его умные глаза, вскинутые на меня, подтверждали: «Куда ты, мой мальчик, туда и твой четвероногий друг Дымок!»

Даша Космон, 11 лет

Светлая картинка моего деревенского босоногого детства, наполненная улыбкой мамы и мудростью папы, ароматом трав и цветов, щедрым солнцем и ощущением радости и счастья. Незримого и невидимого, но такого большого и теплого.

Глава 14. Сюрприз

Наше знакомство с бабушкой Любой, сторожем завода, получило свое развитие. Прощаясь с ней в тот вечер, когда мы договорились стать друзьями, я пообещал прийти с Дымком в ближайший выходной. Помочь в уборке конторы, повеселить забавами и проделками Дымка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.